

**Народная культура в деятельности
«Детско-юношеского центра дополнительного
образования для детей» Пермского района**

О.В. Феоктистова

«Любовь к Родине начинается с любви к родному краю, ответственность за страну начинается с ответственности за то место, где ты живёшь. Любить родной край – большая ответственность, изучать его – огромное счастье, сохранить его историю, культуру для будущих поколений – важная задача, ведь именно передача социально значимой информации, социального опыта и соединяет в один народ поколения, живущие в разные эпохи». Галина Васильевна Алтынцева – опытный, целеустремлённый педагог МОУ «Детско-юношеский центр дополнительного образования для детей» Пермского района, работает на базе Лобановской средней общеобразовательной школы. Неоднократная победительница районных конкурсов педагогов дополнительного образования, она работает по авторской образовательной программе «Родное и близкое», является руководителем детского фольклорного коллектива «Забава». Ансамбль «Забава» – организатор всех народных праздников, проводимых в селе Лобаново, участник школьных, районных, краевых мероприятий. На опыте ансамбля проводятся обучающие мероприятия с детьми и педагогами школ района. Галина Васильевна с детьми участвует во многих мероприятиях фольклорного направления, проводимых ОЦХТУ «Росток», участвует в красивых научно-практических конференциях. Системой в работе являются летние экспедиции, в которые включаются не только дети, но и их родители, собранный экспедиционный материал позволяет педагогу поддерживать устойчивый интерес к занятиям и исследовательской деятельности. В течение 2007 – 2008 учебного года многие её обучающиеся показали хорошие результаты. Лауреатом районной и краевой учебно-исследовательской конференции стала Попова Дарья с исследовательской работой «Свадебный обряд. Прошлое и настоящее», Харина Ксения – стипендиат губернатора Пермского края 2007 года. Ансамбль «Забава» – победитель районного конкурса «Ступени» в номинации «Фольклор» (Диплом I степени); участник II

Международного этнофутуристического фестиваля, г. Пермь (Диплом); IV Межрегионального форума «Русский мир», г. Чердынь (Диплом); X Краевого фестиваля «Наш Пермский край», г. Кудымкар (Специальный приз жюри). В течение четырех лет ансамблем проводится экспедиционная работа, благодаря чему учащиеся имеют возможность непрерывного обучения фольклору. Результатом полевых выходов является пополнение репертуара ансамбля игровым, обрядовым, песенным материалом, а также участие в районных и областных конкурсах исследовательских работ. После изучения территории Лобановского поселения целью ансамбля «Забава» стало расширение географии поисково-исследовательской работы. Поскольку Пермский район не изучен этнографами и фольклористами, и опубликованных материалов его культурной традиции нет, была поставлена цель, начать экспедиционную работу на территории других поселений Пермского района. Для выполнения поставленной цели педагогом был написан проект «Семейные традиции населения Пермского района в прошлом и настоящем», который принял участие в районном конкурсе социальных проектов и получил Грант. Победа в конкурсе дала возможность начать исследовательскую работу на территории района и подготовить выпуск данного сборника по результатам экспедиции для образовательных учреждений и учреждений культуры. В МОУ «Детско-юношеский центр дополнительного образования для детей» Пермского района реализуются программы художественно-эстетического и краеведческого направления, имеющие приоритетом изучение этнографии, народного творчества и фольклора. Учебно-воспитательная работа ведётся в ряде отделов: художественно-эстетический, научно-исследовательский, туристско-краеведческий. Результатом работы являются проведение традиционных народных праздников, научно-практических конференций, фольклорных фестивалей, организация выставок декоративно-прикладного творчества (резьба по дереву, традиционная народная вышивка и вышивка бисером, народная игрушка и т.д.). Хочется отметить, что уровень этого направления в МОУ ДЮЦ за последние годы растёт. Педагоги Г.В. Алтынцева, В.Б. Анкудинова, Т.Н. Михеева, Е.А. Коробка, С.А. Хайрутдинова и многие другие транслируют свой опыт работы не только на районном уровне, но и на уровне края и региона,

участвуя в работе фольклорных лагерей, конференций, конкурсов, фестивалей, а также фольклорных экспедиций. Мы согласны со словами ученого-этнопедагога Г.В. Волкова: «Подлинным является только такое воспитание, которое служит интересам народа». В настоящее время народная педагогика продолжает оставаться самой главной, конструктивной, самой созидательной духовной силой в жизни нации. В народной педагогике сконцентрирована сила гармонизации межнациональных отношений. Хочется верить, что дети, изучающие народную культуру и воспитывающиеся на народных традициях, вырастут настоящими людьми.

Свадебная обрядность с. Хохловка Пермского района в начале XX в.

А. В. Черных

В 1999 г. на территории Хохловской сельской администрации Пермского района несколько дней работала этнографическая экспедиция Пермского государственного университета. Настоящим открытием для собирателей стала достаточно полная запись свадебной обрядности с. Хохловка. Носителем во многом уникальной информации, как выяснилось, является старейшая жительница д. Мысы Александра Александровна Сидорова, 1904 г.р., родившаяся в с. Хохловка, – знаток местных традиций, лично участвовавшая в 45 свадьбах. И не только участвовавшая, но и неоднократно руководившая всем сложным свадебным ритуалом. Материалы беседы с ней с небольшими комментариями и помещены в настоящем сборнике.

Сватовство

«Если поглянется кака родителям или ему девушка, вот, – едут сватаются. Едут отец, мать. Едет и он, жених. Едут. Сначала смотрят: понравится – нет. А может не понравится – откажутся, другую едут сватать. Откажут – уйдут, уйдут, другую ищут. Не одна она ведь.

У нас вот отец покойной женился. Родителям поглянулася она. А он пришёл из армии-то, оне ему сказали: «Давай, поедем в Полазну, свататься». Он говорит: «Если мне понравится она, то я, – говорит, – сидеть буду. А не понравится – я выйду, – говорит, – на улицу». Она ему не понравилася чё-то. Он вышел на улицу. Отец вышел, ево стал уговаривать: «Чё ты, дескать, чё ты? Все говорят, что девка такая бойкая, всё». Он зашёл тогда в избу. Зашёл, успокоился и взял...

Придут, и некоторые порог пятами колодят, что сваты пришли. У нас жених, у вас невеста...».

Девичники

После сватовства невеста собирала девушек на девичник¹ — готовить приданое. Девичник длился от нескольких дней до месяца, в зависимости от состоятельности невесты. *«Сидят девки-те. Раньше ведь как просватаешься, девки приходят. И вот сидят, шьют, вяжут для жениха: варежки, носки, всё вяжут, рубашки шьют жениху да...».*

Баня

Канун свадьбы был более всего наполнен многочисленными ритуалами. Утром подруги вели невесту в баню. *«А она с девками ходила в баню, до обручения, до гостей, утром в баню ходили...».*

Заплетение косы

После бани невесте в последний раз заплетали девичью косу. *«Сряжена в платье хорошее, всё. Косу плетут. Это накануне, до обручения-то, до вечера-то. Утром. Косу ей плетут. Она ревет. Поют: «Ой, благослови-ка, да Божья мать». Девушки поют, она ревет. Ей ленточки вплетают в косу. Заплетают одну косу, а ленточек кто сколь, ленточки три...».*

Ой, да благослови-ко, да

Ой, да благослови-ко, да Божий Господи,
Пресвятая Богородица,
Ой, приступись, Пресвятая Богородица,
Да Божья Мать,
Ко моей буйной головушке,
Почешу мне русые волосы,
Да заплети мне русую косоньку
Да со ленточками,
Дорогими да гранитуровыми.

¹ Информатор сама не вспомнила название этого этапа свадебного обряда, однако согласилась со словом девичник, из нескольких предложенных нами вариантов.

«Мать подходит, заплетает, потом подружки. Мать, когда заплетёт косу, поют:

Ой, спасибо, родимая маменька,
Заплела мне русую косоньку,
Связала мне ленты алые,
Ленты алые, голубые...

Прикрой-ка меня маменька.
Да белым-то полотенцем.

Она вот платком и прикрывает ей голову.

Обручение

Вечером в невестин дом собирались родственники невесты, приходил жених с гостями и родителями. В с. Хохловка этот этап свадебного обряда назывался обрученьё. *«Договорились — вечер, обрученьё. Жених приезжает с гостями, с молодёжью. Девушки сидят у невесты, песни сваребны поют и угощают. Накануне свадьбы. Сёдня обрученье — завтра свадьба. Девушки пели, песни поют про гостей. Приезжают отец, мать, сёстры, братья, тётки, крёсный, крёсна, вот оне приезжают. Поют песни, много про них песен».*

Когда невесту в обрученье крёсна выводила к жениху, девушки исполняли особую песню:

Под елью, елью

Под елью, елью,
Под елью, елью,
Под новым городом,
Да под новым городом.
Под новым городом,
Под новым городом,
Под новым городом,
Да как под Хохловским селом,
Да как под Хохловским селом,
Тут была беседа,

Тут была беседа —
 Премогучая, большая,
 Премогучая, большая.
 Во той беседе,
 В этой беседе
 Удалой молодец,
 Да удалой молодец.
 Просит он, молит,
 Просит он, молит
 Своё суженоё,
 Да своё ряженоё.
 О, сужено моё,
 Ряжено моё
 Да за занавесой сидит,
 Да за занавесой сидит.
 Крёснушка идёт,
 Крёснушка идёт,
 Да красну девицу ведёт,
 Да красну девицу ведет.
 Это вот моё,
 Это вот моё,
 Да это суженоё,
 Да это ряженоё.

«Это в обрученьё выводит крёсна её».

Невесте и гостям на обрученье исполнялись величальные песни.

Невесте на обрученьё

Ой, синее морё, синее морё,
 На век разлилося, разлилося,
 Ой, души, ой за столом, за столом,
 Красна девица, красна девица,
 Ой, думши она, думши она,
 Думу думала, речь говорила:
 — Тятенька, пей, мамонька пей,
 Да меня не пропей,

Да меня не пропей.
 — Милая дочь, милая дочь
 Давно пропита да просватанная,
 За удала, ай, за удала
 Добра молодца, добра молодца!
 (имярек)

«Гостям тоже поют, жениху». После исполнения каждой величальной песни, исполнялась припевка.

Ой, зайду ли я

Ой, зайду ли я, зайду ли я,
 Я на все города, на все пригороды.
 Погляжу я, посмотрю я,
 Как и тётенька пьёт,
 Как и дяденька пьет.
 Тётенька, пей,
 Дяденька, пей,
 Да меня не пропей,
 Да меня не пропей.
 Милая племянница,
 Милая племянница
 Давно пропита
 Да просватанная.
 Ой, за удала,
 За удала добра молодца,
 Добра молодца.
 (имярек)

«Поют между песнями в обручении. В свадьбу поют, про гостей, про дружку, про гостей, про свах».

Песня жениху исполнялась тогда, когда теща выносила и ставила на стол тарелку с блинами. *«Ему поют за блинами. Теща блины приносит, дак ему за блинами поют песню»:*

Э, хе, хе, за блинами

Э, хе, хе, за блинами,
Он услуженный, да за дарами,
Э, хе, хе, да за дарами,
Что и тесть-от зятюшка частует,
Э, хе, хе, да частует,
Ишо тёща зятя угощает,
Да э хе, хе, угощает,
— Еще пей-ка, мой зять, да напивайся,
Да э хе, хе, напивайся,
Ешо ешь-ка, мой зять, да наедайся,
Да э хе, хе, наедайся,
Ты поедешь домой, да не ломайся,
Да э хе, хе, да не ломайся,
Над моею-ту дочь милой,
Да э хе, хе, дочь милой.
Что моё-го дитя да не учёно,
Да э хе, хе, да не учёно,
Что с коня ссадить она не сможет,
Да э хе, хе, да не сможет,
Что за ручку взять она не смеет,
Да э хе, хе, не смеет.
Ишо, зять мой, догадайся,
Да э хе, хе, догадайся,
С милой дочерью да целовался,
Да э хе, хе, да целовался.

«В обрученьё. Она опрокинута, тарелка-та, он (жених) тарелку эту раскидывает, и плотит деньги за блины. И угощает блинами».

Девки, присутствовавшие на обрученье вечером, шли или ехали провожать жениха домой. «Когда в обрученьё жёниха провожали, тогда домой заходили, девки несли сена, чтобы на голой пол она (невеста) не ходила. Вот, разостилали».

Расплетение косы

После отъезда жениха невесте начинали расплетать косу — под иенец невеста шла с распущенными волосами. «А потом, жених когда уедет в обрученьё-то, косу ей расплетают, ленты выплетают. И вот, она опять плачет, и мать ей платком голову закрывает. А когда расплетают ей косу, тогда ей гости невестины-те кладут деньги, ну у неё тарелка ли чё ли тут на столе. Каждого припевают, кто идёт, ей расплетат и деньги кладёт. Крёснушка, крёсной, братец, сестрица... Как и косу плетут, также поют... ленточки отдадут, у ково есть сестра, выгладит да и. Спать уже ложилась без косы. Под венец ехать — волосы распущены».

Утро свадебного дня

Красоту несет

Утром свадебного дня, дожидаясь приезда свадебного поезда, невеста, как говорят в хохловской традиции, «несла красоту». «Красоту несет, ленточку свою. Лента у неё, она должна в церковь её положить в Евангелию, когда венчается. И вот эту ленту-ту она со свечкой несёт опять жсо перед иконой, и девки опять поют песню, она плачет».

Вот пошла моя красота

Вот пошла моя красота,
Пошла, пошатила,
Среди полу становилась,
Назад оглянулася,
Всем поклонилась.
Вот дальше пошла,
До Божия до иконы дошла.

«К иконе прикалывают её, оставляют, а когда уже в церкву ехать, тогда её оттудова достают, и невеста прикалывает к себе на грудь. А в церкви, когда венчаются, она тогда положит её в Евангелию, в церкви. А нечестная не должна класть эту красоту, ленту. Которые поют, а которые знают — не поют, не стоит она».

Приезд жениха

Ближе к обеду к дому невесты подъезжал свадебный поезд – жених с тысяцким и дружками. Жених привозил невесте подарки. *«Когда в церковь ехать, тогда жених привозит ей подарки: венок, духи, мыло. Такое духовое мыло, зачем-то мыло, и духи и венок. И цветок ко груди прикалывают невесте. А девушки прикалывают опять ленточку и цветок, когда в церковь ехать, дружкам».*

Прежде чем попасть в дом, дружки – друзья жениха должны были откупиться от девушек. *«А нет, девки-то не пускают их, оне стоят, набиваются, а девки не пускают. Выкуп просят, девки-те. Вот оне выкупают невесту, тогда пускают. И девки имя прикалывают вот это ленточки-то, цветки-те. Выкупают: то конфеты, деньги-те мало, не дают деньги-то, а таким выкупают, бутылку вина красного подают».*

Зайдя в дом, дружки должны были выкупить и место за столом. *«В свадьбу-то дак заходят дружки, а место ихное занято, невесты с женихом. Тут сидят невестины гости кто-нибудь. И вот выкупают это место, вином их поят, и они место освобождают».* В это время невесту начинали готовить к венцу, за заборкой, на кухне девушки надевали ей свадебную одежду. *«Волосы распущены в церковь ехать. Был уаль, такой длинной, покаль платьё длинны, и уаль назывался. Он не простой, реденькой такой, уаль, потом цветы на уаль-от. Продавали, продавали, вот и делали из него. Невеста, кухня есть, дак на кухоньке, ждёт, девушки наряжают её. Невесту-то одевают, поют песню...».*

Ты утка ли, утица

– Ты утка ли, утица, серая перепелица,
Ты к чему взамуж пошла,
К чему рано поохотила?
– Не дивуйте-ко, кумушки,
Не дивуйте, подруженьки
Да на меня молодешеньку.
Не сама я взамуж пошла,
Не сама поохотила.
Поневолил мой тятенька,
Поневолила маменька,
За удала добра молодца.

После того, как невеста была готова, отец невесты выводил ее за стол к жениху. При выводе невесты в с. Хохловка исполнялась песня «Ты, утка, ли утица...». *«В обручанье выводил крестный, в свадьбу – отец выводил»:*

Ты утка ли утица

– Ты, утка, ли утица,
Ты, сера перепелица,
Ты, сера перепелица,
Ты к чему рано вылетела,
Ты к чему рано вылетела?
Из тепла гнезда утичьа,
Из тепла перепеличьа,
– Не дивуйте-ко, утицы,
Не дивуйте-ко, серые,
Не сама собой вылетела,
Выводил меня сер селезень.
Становил меня сер селезень,
Среди лугу дубовова.
Он велел травки щипати,
Все цветочки повытрепати.
Выводил меня тятенька,
Он за правую рученьку,
За мизинные пальчики.
Становил меня тятенька
Среди полу дубовова.
Он велел Богу молится,
Всем боярам поклониться,
Одному на особицу,
Одному на особицу,
Удалу добру молодцу,
Удалу добру молодцу.
Отдаём гостям навеки,
Одному гостю на руки,
Что на руки на вечные,
На года на бессчётные.

После вывода невесты начиналось застолье, во время которого всем гостям исполнялись величальные песни. Первой гостям пели песню «*Не было ветру, вдруг навяло, Не было гостей, вдруг наехало*»¹. Затем начинали припевать всех гостей: друзей, невестиних и жениховых свах.

Величальная дружкам

Друженька хороший,
Друженька пригожий,
Удалой да добрый молодец.
Как у дружки пальто
Да из хорошего сукна,
Шапочка бобровенька,
Перчаточки замшевы...

Величальная невестиной свахе

Что невестина сваха
Лебёдка, да лебёдка,
Что и лебедь бела, бела.
Она три года пряла,
Три года мотала,
Ткала, белила,
На солнышке сушила,
В коробейку запирала,
Приданое сновляла.

Величальная свахе жениха

Ещё чья это гостюшка,
Ещё чья небывалая?
Мы не можем признать её
По её лицу белому,
По её платью цветному.

¹ К сожалению, информатор не вспомнил текст полностью.

Как у нашей, у гостюшки
Лицо белое, щёчки аленькие.
Мы теперь её узнали,
Нашу гостюшку.
Дорогую, небывалую.
(имярек)

После исполнения величаний дружкам, тысяцкому и свахам величальные пелись всем присутствующим гостям. Холостому парню могли припеть такое величание: «*Во саду было, во садичке, Во зелёном виноградичке, Тута ходил-гулял удалой добрый молодец...*»¹. За исполнение песни гостю подносились стопка, а он, в свою очередь, одаривал девок деньгами. «*Девки дают песни про гостей-то, дак им деньги дают*». Чтобы гость не скупился, ему могли исполнить и следующую короткую припевку:

Ты дари, дари, не скупися

Ты дари, дари, не скупися,
Не скупися,
И в деньгах не нуждайся,
Не нуждайся.
У тебя денюжки в кармашке шевелятся,
Шевелятся,
На тарелочку норовятся,
Норовятся.
Еще нам на девиц, да немножко,
Да немножко.
Еще девять девиц со девицей,
Со девицей...

Особая, жалобная песня «*Сверхю судёнышко бежало...*» исполнялась и тогда, когда невеста выходила из-за стола и собиралась ехать под венец.

¹ Стоит отметить, что сопровождавший действия свадьбы блок величальных песен (который, как правило, сохраняется в памяти и более младшего поколения) представлен в записи достаточно фрагментарно.

Сверхю судёнышко бежало

Сверхю судёнышко бежало,
Сверхю судёнышко бежало,
Да я на том судне стояла,
Да я гребцам говорила:
– Да стойте, гребцы, не гребите,
Да стойте, и не гребите.
Да дайте мне наглядеться,
Да дайте мне насмотреться,
Да как моя мамонька плачёт,
Да как родимая ридает,
По дитятку причитаёт.
– Да я ль, дитя, тебя рождала,
Смёртний час поджидала,
Ждала себе замену.
А мне вышла перемена,
А добрым людям замена.
Я мне перемена.

Отец и мать жениха перед венцом благословляли молодых.
«Когда ехали в церкву, тогда благословляли. Падали они на колени к отцу, к матери. Иконой, его икона и её икона, У него – Господь Иисус Христос икона, у её – Пресвятая Богородица».

Уже когда невеста выходила из дома и надевала обувь, она стучала каблуком ботинка своих подружек, чтобы те в скором времени также вышли замуж. *«Чтоб девки замуж вышли... Она (невеста) обувается когда, ботинком-то по голове их (девок) щелкат, чтобы тоже вышли замуж. Девки, девки. Когда она в церкву собираются, дак обуватся».*

Венчание

После благословения свадебный поезд отправлялся в церковь. Специфическим моментом местной свадебной традиции было то, что на венчание ехали и девушки – подружки невесты (некоторые из них затем ехали также и на свадьбу в дом жениха). *«Песни все пропоют, все собираются. Жених с невестой, тысячкой-крёсной, бояре едут, дружки, девушки от невесты, свахи, всё, все гости. Девушки в церкву едут с ленточками тоже. Невеста девкам ленточки дарит девушкам, в свадьбу утром. Они вот поедут в церковь и прикалывают тоже ленточки. Которые девки приглашают, те едут к жениху, а которые нет, обратно едут. Обратно едут, там кушают, едят, ребята приходят, пляшут и всё».*

«На пол платок. Головной вот платок большой клали, вот под ноги. Свечки опять жгли, у которова большие сгорит, он, значит, скорее умрет, а у неё если меньше сгорит, значит, дольше проживет».

Свадебный пир

Из церкви свадебный поезд ехал в дом жениха. *«Отец с матерью встречают их. Вот они и заходят, тогда под ноги-те стелют, они на гол-от пол не заходят в избу. Стелили какой половичок, или платок ли большой. Отец с матерью с иконами встречают. Они встречают с хлебом с солью, кто больше откусит. Здоровее будет работать (кто больше откусит)».*

А свахи сзади приедут, привезут приданое».

В доме жениха первым делом невесте меняли причёску, волосы окучивали по-бабьи. *«Причёску делали. Свахи которые, молодые вот из церкви приедут, завернут да и только култышечку. Тамо шпильки были, прикалывали причёску да это. Косинку, которые давали, на тех надевали, кто не желал, кто нет. Косинка была тоже шёлковая, реденькая такая».*

После гуляния вечером, в доме жениха, молодых укладывали спать. Как правило, это делали свахи. *«Две избы, дак в другую избу, а одна изба, дак чё – куда-нибудь. Кровать стоит и только. Разувать жениха заставляли. А у ево деньги были положены в обуви-то. Свахи жо постелю стелили, дружки. Куклу принесут тебе положат её»:*

*На первую-ту ночку
Тебе сына да дочку.*

Второй и третий день свадебного пира

Свадьбу обычно праздновали два, а то и три дня. «Сколь вино ешь, угощенёй, так и гуляют. Два дня, на третий день розъезжаются. А второй день бывают большие столы, пироги мясные стряпают маленькие, на стол принесут тарелку и пустую тарелку. За эти пироги платили, кто сколь может. И она подает пирожок, а он – рюмку вина. У нас вот на третий день дак съездили на Березники, рыбы достали да уху варили».

На второй день свадебного пира молодых водили в дымную баню, заставляли невесту мести пол. «Баню топили. У жениха когда пируют уже дак, тогда и баню затопят, да в дым-от их толкают, жениха и невесту, туда в баню. Зимой дак в снег опять. Это уж когда всё, отойдёт пировля, а деньги кидают, кто кидает на пол. И вот невеста пол моёт, деньги ей когда и попадают, собирает с полу».

В этот же день показывали невестино приданое. Наряженные участники свадьбы с приданым ходили по всей деревне. «Невестино придано показывали сряжались. По улице идут с гармошкой, гуляют, пляшут».

Хлебены, хлибены

Через неделю молодые ехали к родителям невесты на хлебены (хлибены). «На хлебены ездили к отцу, к матери. Имя объясняли. Если она хорошая была, дак он в ноги падат. Если она уж такая была, то нет». «Хлибены через неделю делали. Гостей приглашали сколь. К невесте едут, к родителям».

Конечно, собранный материал недостаточно полон, так как многие детали свадебного обряда требуют уточнения у других информаторов, не полностью зафиксирован свадебный фольклор. В то же время эти записи позволяют утверждать, что у заводского населения, каковым являлись жители с. Хохловка¹, свадебный обряд практически полностью соответствовал крестьянскому. Главная особенность заводских традиций и отличие от собственно крестьянских свадеб прослеживается, прежде всего, в некоторых чертах материальной культуры: костюм и прическа невесты, мыло и духи, которые жених привозил перед венчанием.

¹ Село Хохловка Пермского района возникло как населенный пункт при Молотовом и медсплавильном заводе, основанном в 1754 г. М.А. Строгановым, действовавшим до 1888 г. См. подробнее: Шумилов Е.Н. Хохловка // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. – Пермь, 1994. С. 149.

«Лобановская свадьба»: свадебные обычаи с. Лобаново и его округа

Г.В. Алтынцева,
Д.С. Попова

Свадьба в семейной обрядности занимала особое место. Замужество, женитьба всегда было важнейшим событием в жизни человека, так как менялось семейное и общественное положение, бытовой уклад, имущественное состояние, у женщины – место жительства. Поэтому не случайно у всех народов вступление в брак сопровождалось обычаями, обрядами и превращалось в сложное ритуальное действо. Так и в свадебных обрядах русских переплетались народные представления и церковные обряды и ритуалы. Свадебные обряды, как и все элементы традиционной культуры, были наполнены одновременно реальным и символическим содержанием.

В рамках ежегодной экспедиционной работы участниками фольклорно-этнографического лагеря «Поиск» были собраны материалы по свадебному обряду. В ходе сбора материалов по населенным пунктам Лобановского сельского поселения было выявлено, что структура свадебного обряда в целом была одинакова для всех деревень, но отдельные элементы обряда имели отличия, характерные для конкретной местности. Современная свадьба сохранила отдельные старые формы, но уже существенно отличается от традиционной.

Свадебный обряд деревни Большой Буртым

(Записан в селе Лобаново от Марии Тимофеевны Половодовой,
1930 г.р., уроженки д. Б. Буртым Пермского района)

Сватать девушку приходил жених со своей матерью. Мать жениха говорила родителям невесты: «В вашем доме есть овечушка, а у меня есть барашек, давайте познакомимся». Если родители девушки согласны, то они спрашивали согласие у детей, если парень с девушкой согласны, то они подавали друг другу правую руку. Мать иконой крестила руки, затем парень и девушка наклоняли головы друг

к другу, и мать крестила их иконой. Сватанье на этом заканчивалось. Следующим этапом свадьбы был **сговор**. Если девушка была согласна выйти замуж, то сговор мог проходить в тот же день или на следующий. Родители невесты накрывают на стол и ждут родителей жениха. Родители с обеих сторон договариваются, обсуждают день свадьбы и подготовку к ней. После сватанья за две недели невеста выбирает себе подружек, и начинаются **девишники**. Девушки помогают невесте: плетут кружева, вышивают, вяжут, готовят приданое. В пятницу перед свадьбой невеста приглашает подруг и парней, гуляет в этот вечер только молодежь.

В субботу накануне свадьбы намечается **обручение**. Жених приезжает со своей родней и друзьями в дом невесты. Дружка в дом входит с плеточкой, стукнет по сапогу – «дескать, расступись толпа», так как в доме было много «смотрельщиков». Он говорит, обращаясь к собравшимся:

*Здесь ли было сватанье,
Здесь ли было просватанье,
Здесь ли было вино пито,
Здесь ли было по рукам бито?...*

Гостей усаживают за столы, девушки поют свадебные песни. Величают гостей, дружкам поют величание:

*Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький,
Что на дружке рубашка-то шелковая,
Что на дружке рубашка-то шелкова.
Что на дружке волоски кудрявые, кудрявые,
Что на дружке сапоги сафьяновые, сафьяновые...*

Они припевают эту песенку каждому дружке, а затем прикалывают к плечу парня большой бант из ленты. Дружки выкупают этот бант, если дают мало денег, девушки кричат: «Мало, мало у нас, невеста дорогая». Девушки начинают всех гостей припевать. Семейным парам поют «Из горницы, из горницы»:

*Из горницы, из горницы,
Из горницы, во горницу,
Из горницы, во горницу
Лежат ковры, лежат ковры,
Лежат коврики вышитые,
Лежат коврики вышитые.
По тем коврам, по тем коврам,
По тем коврикам вышитым,
По тем коврикам вышитым,
По коврикам, по коврикам
Ходила, гуляла
Молода жена боярыня,
Молода жена боярыня,
По имени Мария Ивановна, Мария Ивановна.
За ней ходил, за ней ходил,
За ней ходил разудалый молодец,
За ней ходил молодой молодец.
По имени, по имени
Иван Иванович, Иван Иванович.
Подай, жена, подай жена,
Подай, женушка, зелёного вина,
Подай, жёнушка, зелёного вина.
Подай запить, подай запить,
Подай запить мёду сладкого,
Подай запить мёду сладкого.
Подай заесть, подай заесть,
Подай заесть виноградиной,
Подай заесть виноградиной.
С песенкой, Мария Ивановна,
С песенкой, Иван Иванович.*

А семейные пары одаривали подружек деньгами за то, что они спели. Песни поют до вечера, а потом гости начинают плясать. На этом обручение заканчивается, гости разъезжаются по домам, жених уезжает домой со своей родней. Невеста остаётся дома, спать её кладут на широкие лавки, под иконой.

Наутро следующего, собственно свадебного, дня в дом невесты приходят подружки, они собирают девушку к венцу. Приезжает жених с друзьями и родственниками, девушки поют свадебные песни, снова величают жениха и невесту, друзей, родственников. Затем молодые едут в церковь, после венчания свадьба продолжается в доме жениха. Уже здесь с невесты снимают «уаль», свадебные свахи привозят приданое невесты, дружки его выкупают. После этого садятся за столы и гуляют до утра.

Наутро невесту называют «молодушкой». Она со свекровкой стряпает шаньги и обязательно пирожки с мясом. На второй день невеста достает из сундука приданое, одаривает подарками родственников жениха. Традиционным было вождение невесты в баню, ее также заставляли мести пол, носить воду из колодца. Как и во многих традициях Прикамья, важно было показать невестино приданое односельчанам: *«Полотенца, скатёрки невестины одевали на себя и шли с музыкой вдоль деревни, показывали приданое»*. Через неделю молодые, муж и жена, отправлялись к *«теще на блины»*.

Свадебный обряд деревни Малые Клестята

(записан в д. Малые Клестята от Антонины Петровны Кочкиной, 1922 г.р.)

Сватать девушку приходили родители вместе с парнем. Если сваты получали согласие, то девушку и парня ставят на ковёр, на ковёр встают и родители, все берутся за руки и *«расшибают»* их. Разбивание рук показывало, что невеста просватана. Предсвадебный период длился неделю. Всю неделю девишницы собирались у невесты, готовили приданое, вышивали полотенца, салфетки, шили свадебный наряд. В этот период жених приезжал с друзьями, девушки пели им песни, а парни одаривали их за это деньгами.

В пятницу перед свадьбой невесту подружки водили в баню. В бане невеста кидала мыло — *«в каку девку попадет, та и выйдет замуж следующая»*. В субботу приезжал жених со своей родней и друзьями в дом невесты, проходило обручение. После того, как невеста проводит жениха, подружки в дом несут сено или солому: *«невеста жениха проводит, на голый пол не заходит»*. Невеста с *«коренной девишницей»* сидят в переднем углу, подружки солому

мнут (пляшут, играют). Вся свадьба в доме невесты проходила на соломе, и только когда молодые уезжали к венцу, можно было эту солому убирать.

На утро свадебного дня подружки наряжали невесту, пели свадебные песни. К жениху выводил из-за занавесы невесту отец, при этом подружки пели:

*Дорогая касатоцька
Из темна гнезда вылетала.
Выводил меня тятенька,
Он за правую руценьку.
Становил посреди пола,
Среди пола дубовова.
Заставлял Богу молиться,
Боярам поклониться.
Одному на особису,
Душу милую девису.*

Все гости садились за стол, девушки пели свадебные величальные песни.

*Синее морё, синее морё
На волнах ходило, да,
На волнах ходило.
Зелено вино, зелено вино
На столах стояло, да,
На столах стояло.
Милая девица, милая девица
За столами стояла, да,
За дубовыми.
Думушку она, думушку она, да,
Думу думала, да,
Думу крепкую.
С думушки она, с думушки она
Слово вымолвила, да,
Слово вымолвила.
Пойду ли я, выйду ли я,*

Я на города, да,
 Я на пригороды.
 Посмотрю я, посмотрю я
 Да ишо кто вино пьёт, да,
 Ишо кто зелено.
 Пьёт вино, да пьёт вино
 Родимой тятенька,
 Родима мамонька.
 Тятенька, пейте, мамонька, пейте,
 Вы меня не пропейте,
 Вы меня не пропейте.
 Вы пропьите, вы пропьите, да,
 Вы воронова коня, да,
 Вы воронова коня.
 Мне ведь его, мне ведь его
 Мне не жаль будет,
 Мне не жаль будет.
 Только мне жаль, только мне жаль
 Трубчатой косы,
 Да девьей красоты.

Перед отъездом в церковь молодых благословляли родители невесты, приехавших в дом жениха после венчания молодых благословляли родители жениха. «Хресны» жениха и невесты снимают с невесты «уаль» и заплетают косы – чья «хресна» вперед заплетет, тот и главным в доме будет». После этого гости садятся за стол – песни в доме жениха не поют. Перед тем, как гостям отойти за «большие столы», «хресна» уводит молодых спать.

На другой день дружки ищут молодых, если находят, то молодые откупаются. Пекут мясные пироги, и «хресна» с «хресным» продают их гостям, деньги кладут на пирог. Также продавали ложки, вилки. На третий день «хресну» невесты возили парить в баню.

Говоря о свадебных обрядах деревень Б. Буртым и М. Клестята Пермского района, можно отметить, что они похожи между собой. В то же время интересны они тем, что в них очевидны особенности обряда, характерные для каждой из этих деревень. Так, в деревне Б. Буртым к предсвадебному этапу относятся сватовство, сговор,

девишник, обручение, а в М. Клестятах сватовство и сговор часто проходили вместе. В предсвадебный этап во всех случаях проходили девишники, где невеста вместе с подружками готовила приданое и подарки жениховой родне. В деревне М. Клестята косы заплетали «хресные» жениха и невесты в доме жениха – «чья «хресна» быстрее заплетет косу, тот будет главным в доме». До застолья в деревне Б. Буртым свахи привозят приданое, а дружки жениха его выкупают. На второй день свадьбы в Б. Буртыме и М. Клестятах обязательно стряпают пироги с мясом, а в Б. Буртыме невеста одаривает подарками родственников жениха. После свадьбы в Б. Буртыме молодые через неделю ходят «к теще на блины».

Традиционные свадебные обряды сохранялись в деревнях вплоть до 30-х годов XX века. В связи с изменением социально-экономической жизни изменился и свадебный обряд. Традиционный обряд в его полной форме стал уходить из жизни именно в 30-е годы прошлого века. Коллективизация привела к изменению традиционного сельского быта, а, следовательно, к исчезновению народных обрядов как составной части этого быта. В эти годы закрывались церкви, молодые больше не венчались, а расписывались в сельском совете. Старинный свадебный обряд стали считать «пережитком прошлого». Затем пришли военные и послевоенные годы, когда было не до празднования свадеб.

В конце 50-х прошлого века к людям стало возвращаться осознание того, что замужество, женитьба должны отмечаться особым празднеством. Стали входить в моду «комсомольские свадьбы». В начале 60-х годов началась кампания по созданию новой гражданской обрядности. В городах открывались дворцы бракосочетания, разрабатывались сценарии свадьбы. Свадьбе, празднику семейному, пытались придать общественный характер. Одновременно с формированием официальной свадебной обрядности шло формирование свадебного обряда как семейного праздника, ведь после регистрации брака молодые возвращались домой, и здесь начиналось по-настоящему семейное гуляние. Постепенно стали возрождаться, часто в измененной форме, многие традиционные обычаи. В 70-е – 80-е годы свадьбы становились многолюдными, праздновали их все чаще в ресторанах, кафе, столовых. Ведущими зачастую были свидетели жениха и невесты.

В 90-е годы общество постепенно пришло к осознанию значимости народной культуры, началось ее изучение и возрождение. В стране восстанавливаются и открываются храмы, отмечаются христианские праздники. Возрождаются обряды жизненного цикла, в которых значительное место занимает свадебный обряд. Более близкой к традиционной свадьба сохранилась в сельской местности. Как и в старину, современная свадьба включает в себя три этапа: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

Набор обрядов современной свадьбы, как и традиционной, также имеет различия в зависимости от местности и социальной принадлежности населения. Рассматривая современную Лобановскую свадьбу, также можно выделить 3 основных ее этапа.

Предсвадебный этап длится 1 месяц с момента подачи заявления. Возвратились сватовство, сговор, девишник, мальчишник. Зачастую сватовство и сговор объединяются в одно действие, когда родители жениха знакомятся с родителями невесты. Сватать девушку чаще всего приходят родители жениха, они сразу же договариваются о свадебном пире и обговаривают список гостей. На девишнике подружки готовят обряд выкупа невесты, а также сценарий свадебного пира. К сожалению, обряды «баня» и «заплетение косы» ушли из жизни, как и свадебные обрядовые песни. Утром свадебного дня подружки наряжают невесту в свадебный наряд, накрывают стол и готовятся к выкупу.

Свадьба. Жених приезжает с родными и друзьями выкупать невесту. После выкупа невесты свадебный кортеж отправляется на церемонию регистрации брака в Дом культуры. При входе в зал молодых посыпают рисом – символ достатка, богатства. А после бракосочетания осыпают лепестками роз – символом счастья и любви.

С 1993 года, с восстановлением храма Александра Невского, возродился обряд венчания, и многие пары после регистрации брака проходят обряд венчания. После этого свадебный кортеж отправляется по достопримечательностям города Перми: парк им. Горького, эспланада, набережная Камы, памятник для возложения цветов погибшим воинам.

Перед началом свадебного пира жениха с невестой встречает мать жениха с хлебом-солью, как и много веков назад. Есть поверье – кто больше откусит хлеба, жених или невеста, тот будет в доме главой. Начинается пир, который ведет тамада. На свадьбе звучат песни современных авторов, посвященные свадьбе, семье, родителям, родному очагу. К сожалению, старые обрядовые песни не поются, востребованными остаются частушки, песни и танцы под баян и гармошку. Пир длится до утра, а молодых за полночь отправляют спать в дом жениха.

К **послесвадебному** этапу относится второй день свадьбы, который проходит в доме жениха. Молодые становятся хозяевами и встречают гостей. Обряды, проводимые во второй день, пришли в современную свадьбу из традиционной свадьбы: выкуп ложек, пирога, подметание пола, вручение подарков невестой родственникам жениха, катание тещи на корыте в баню и другие. Через неделю молодые ходят в гости к родителям невесты и родственникам. К современному послесвадебному этапу можно отнести и медовый месяц, когда молодые ездят с визитами к родственникам, а также на манер европейской традиции могут отправиться в свадебное путешествие. Так как большая часть населения приезжие, они привносят в обряд элементы той местности, откуда приехали.

Хочется отметить, что в наши дни в свадьбе переплетаются и современные, и традиционные обычаи и обряды. И в современной свадьбе круг обрядовых действий отличается многообразием, сохранением ритуальных действий, которые являются трансформированными элементами традиционного обряда. Это знакомство семей, девишник и мальчишник, выкуп невесты, регистрация брака, свадебный пир и, конечно, многочисленные обряды послесвадебного этапа, особенно игрового характера.

Записи свадебного обряда с. Бершеть Пермского района

Е.А. Коробка

Свадебный обряд в с. Бершеть Пермского района был записан со слов Кавкун (Ноговицыной) Юлии Афанасьевны, 1915 г.р.

«Пришли сватать невесту родители жениха, еще гостей прихватили. Вот сосватали ее, надо руку дать. Мать невестина несет полотенце. Сваты скрозь полотенце возьмутся, сватовья тоже за полотенце возьмутся друг против друга, кто-нибудь разнимет им. Садятся пить чай, договариваются, когда будет свадьба. У жениха-то все уже готово, раз решил жениться, а у невесты приданое еще не готово. Все это отложат примерно на месяц. Затем проходят девичники, где невеста с подружками готовят приданое (постельное, простыни шили, селеницу закрывать, тесто закрывать, полотенца вышивали). Всех припевали, часто кружились со своими кавалерами, вместо кавалеров девки были, парней-то мало было тогда. Дружкам перед свадьбой прикалывали цветы, ленточки.

На обручение все гости жениховы приедут, садятся за стол, угощаются. Девки всё песни поют свадебные. Каждому блюдещко принесут, а на блюдещко деньги бросали – серебрушки.

Накануне венчания невесту сводят в баню, девки всё ходят, воют да причитывают. Вечером, после бани, мать крепко-крепко косу заплетет, ленточку вплетет. Жених на девичнике старался хитростью расплести невесте косу, чтобы она на следующий день меньше ревела.

На второй день у невесты подружки расплетали косу, каждая подружка обнималась с невестой, и все выли. Косу невеста не отдает расплетать, не хочет прощаться со своей красотой. Потом отдаст уже своей коренной подружке расплести косу, ленточки ей подарит. Остальным подружкам ленточки подарит, которые нарезанные на тарелке на столе лежат. Это было утром, перед тем как ехать в храм на венчание.

Затем приезжали по невесту основные гости, сватовья, дружки, крёсна женихова. Приезжали на конях, у жениха лошадь всегда была изукрашена, ленты на дуге, колокольчики. Две сваты встают на крыльцо, а девки поют: «Две-то сватыюшки в уста целовались, винами менялись (у обоих в руках вино), за стол садились, угощались». Потом все гости за сватами заходят в дом. Девки все поют: «Две-то туши, две грозные, они вместе сходились. Две свашеньки на крыльцо становились, в уста целовались, винами менялись». Потом гости садятся за стол, угощаются. Невесту прятали, накрывали простынями. Дружка идет, дружит: «Не здесь ли было сватанье, не здесь ли было

просватанье»? Мать отвечает: «Здесь». Дружка: «Не здесь ли было по рукам бито, Не здесь ли было пиво пито»? Мать: «Здесь»! Жених проходит к невесте, чтобы подарить ей подарок, а дружка все колядует: «Не ступить ли, чтобы девушкам на носочки, не задеть ли локотком титещку»? А жених все проходит туда и невесте подарок отдаст.

Невесту выводил отец за платошек, подведет ее к столу и жениху за платошек передаст. Мать невестина принесет рыбный пирог. Дружка старший воткнет вилку в пирог, чтобы его не пошевелить, срежет верхнюю корочку, разрежет ее на кусочки, а серединку, рыбу, вилками едят. Нижнюю корочку тоже разрежут на кусочки и девкам отдадут. Девки за стол не садились с гостями, все стояли и песни пели. «Ох, вы друженьки молодые, красивые, У вас очи ясные, щеки алые, Примени к маку алому, К маку алому, кудрявому...». Поугощались, надо ехать под венец. Отец с матерью благословляют невесту с женихом. Они встанут на коленки. Сначала отец благословляет иконами над головой крест-накрест, затем – мать. Дружка говорит, когда из дома выходили, садились в сани: «Не все ли сляли? Не всё ли взяли? Не у всех ли вожжи по рукам»? Громко кричит. Ответят: «У всех»! Значит, и он садится в сани, и поехали в церковь. На голове у невесты цветы из воску, покупали их в магазине. Когда венчались, невеста в Евангеле ленточку клала. Если невеста нещесная, жених потом ленточку выкупал, а то невеста болеть будет, если ленточку не выкупить.

Когда от венца приедут, две крёсны заплетают молодой две косы. Торопятся, кто наперед заплетет. Если женихова вперед заплетет, значит в доме будет женихов порядок. Спать уходили к соседям, в основном в чулан. На утро весили флаг над крышей. Да еще заткнул флагом трубу, в доме станет угарно, скорей лезут на крышу – убирают флаг. Флаг был красный – невеста щесная. На второй день жених выпьет рюмку водки или вина, бросит рюмку на пол, изломает ее. Невеста берет веник и метет мусор, гости кидают ей монеты, она их собирает. Еще на второй день возят тещу в корыте по деревне. Гости ходят по деревне с гармошкой, оденут на себя все приданое невесты и ходят, и пляшут. «Приданое оказать» называется. Приданое в женихов дом привозила сваха с мужиком, когда все в церковь уехали на венчание.

Свадебные песни с. Курашим Пермского района

Публикация В.Б. Анкундиновой

Тексты свадебных песен с. Курашим Пермского района, записанные от Сенокосовой Анастасии Степановны, 1928 г.р., Моховой Зои Ивановны, 1922 г.р., Копыловой Клавдии Андреевны, 1922 г.р.

1. «Не было ветру» (на встречу гостей)

Ой, не было ветру, не было ветру,
Вдруг навияло – 2 раза.
Ой, не было гостей, не было гостей,
Вдруг наехали – 2 раза.
Ой, полон двор, полон двор
Воронных коней – 2 раза.
Ой, полные сени, полные сени
Удалых кучеров – 2 раза.
Ой, полное застолье, полное застолье
Дорогих гостей – 2 раза.
Ой, расплакалась, расплакалась
Красна девица-душа – 2 раза.
Ой, подломили, подломили,
Сени новые – 2 раза.
Ой, новые сени, новые сени
С коридорами – 2 раза.
Ой, растоптали, растоптали
Золотую чару – 2 раза.
Ой, растоптали, растоптали
Мушку жемчуга – 2 раза.
Ой, выпустили, выпустили
Соловья из саду – 2 раза.
Ой, кто мене сольёт, кто мене сольёт
Золотую чару? – 2 раза.
Ой, кто меня будет, кто меня будет
По утру рано будить? – 2 раза.
Ой, кто мене будет, кто мене будет

Соловьём во саду? – 2 раза.
Ой, кто мене заплетёт, кто мене заплетёт
Трубчатую косу? – 2 раза.
Ой, кто мене вяжет, кто мене вяжет
Алу ленточку? – 2 раза.
Ой, выхвалился, выхвалился
Удалой молодец – 2 раза.
Ой, свет (имя), свет (отчество),
Удалой молодец – 2 раза.
Ой, я тебе построю, я тебе построю
Сени новые – 2 раза.
Ой, я тебе солью, я тебе солью
Золотую чару – 2 раза.
Ой, я тебя буду, я тебя буду
Поутру рано будить – 2 раза.
Ой, я тебе буду, я тебе буду
Соловьём во саду – 2 раза.
Ой, я заплету, я заплету
Трубчатую косу – 2 раза.
Ой, только не вяжу, только не вяжу
Алу ленточку – 2 раза.

2. «Долина, долинушка» (дружке)

Долина, долинушка, да раздольё широкоё.
Припев: Ай, люли, ай люли, да раздольё широкоё,
Раздольё широкоё, да прибыльё весёлоё.
Прибыльё весёлоё, удалый добрый молодец,
Удалый добрый молодец (имя, отчество дружки).
Повесил головушку, да на праву сторонушку.
Увидала мамонька, да из высока терема
Родимое дитятко, да что ходишь невесело?
Что ходишь невесело, да гуляшь нерадостно?
Родимая мамонька, да что мне веселится,
Что мне веселится, да что мне радоваться.
Все мои товарищи да все переженились,
Все переженились, да все перевенчались.
Я же у вас, мамонька, да холост, неженат хожу.

Родимоё дитятко, да женись, коли хочется.
Бери, бери, дитятко, да кою тебе хочется.
Кою тебе хочется, которую желается.
Хочется, желается, да душу красну девицу.
Душу красну девицу, удалу добру молодцу.
(После каждой строчки пропеваётся Припев)

3. «С по саду, саду» (семье)

С-по саду, саду, – 2 раза.
С-по зелёному саду, – 2 раза.
Тут ходил, гулял – 2 раза.
Удалой молодец, – 2 раза.
Кликал, выкликал – 2 раза.
Жену барыню свою,
Свет (имя, отчество).
Подходи сюда, – 2 раза.
Жена, барыня моя,
Расхорошенькая.
Я тебя люблю – 2 раза.
За походочку твою
За посчастенькую.
С-по саду идёшь, – 2 раза.
Ровно павушка плывёшь, – 2 раза.
Речи говоришь, – 2 раза.
Как бела лебедь кричишь. – 2 раза.
Ещё есть у нас – 2 раза.
Да и милый сын
Свет (отчество)
Разудалому – 2 раза.
Добру молодцу
Свет (отчество).

4. «Не дивуйтесь, уточки» (когда невесту выводят жениху)

Не дивуйтесь, уточки, не дивуйтесь, серые.
Не дивуйтесь, серые, не сама своей волёю.
Не сама своей волёю, не своею охотою.
Не своею охотою – выводил сударь-батюшка.
Выводил сударь-батюшка среди лугу зеленого.
Среди лугу зеленого становил сударь-батюшка.
Становил сударь-батюшка среди полу дубового,
Среди полу дубового отдавал сударь-батюшка.
Отдавал сударь-батюшка князям, боярам на время.
Князям, боярам на время да (имя жениха) на руки,
Да (имя жениха) на руки, (отчество жениха) на веки.
(отчество жениха) на веки вам поить, кормить желаю.
Вам поить, кормить желаю свою милую ладушку.
Свою милую ладушку свет (имя, отчество невесты).

5. «Как с по той, с по невинной по реке» (величальная молодым)

Как с-по той, с-по невинной по реке, да
Тут бежит, бежит судёнышко, да
На судёнышке немножечко людей, да
По малому счёту восемь человек, да
Что девятый удалой молодец, да
Свет (имя, отчество жениха) да.
Он кричал своим важным голоском, да –
Приворачивай, ребята, к бережку, да
Ко тому же ко зелёному лужку, да
Уж мы выйдем на зелёный на лужок, да
Мы раскинем бел-полотенный шатёр, да
Мы растелем бело-тюлевый платок, да
Мы разрежем бел-крупитчатый калач, да
Мимоходом красна девица-душа, да
Свет (имя, отчество невесты), да
Я пришла к тебе не шатрички смотреть, да
Не калачики кушати, да
Я пришла к тебе о шахматцы играть, да
Я играла день одиннадцать часов, да
Обыгрался удалой молодец, да
Свет (имя, отчество жениха), да
Проиграл свои золочены часы, да
Со серебряной поцепочкой, да.

Обыгралась красна девица-душа, да
Свет (имя, отчество), да
Проиграла алы ленточки, да
Со серебряной тарелочки.

6. «Ой ты гора ль моя, высокая» (когда поехали к венцу)

Ой, ты гора ль моя, высокая,
Ой, ты стена ль моя, белокаменна,
Ой, посмотри-ка, родимая матушка,
Ой, хорошо ли снарядилася,
Ой, хорошо ли сподобилася,
Ой, во хорошо платье светлое,
Ой, платье светло, подвенечное.
Ой, что во церкву да Божью ехати,
Ой, что закону да Божью приняти
Ой, со чужим-то со чуженином,
Ой, со добрым-то добрым молодцем.

Курашимская свадьба: свадебные обычаи и обряды с. Курашим Пермского района

А.В. Черных,
Т.Г. Голева

На этнографической карте Пермского района село Курашим по праву занимает особое место. Это одно из старых заводских поселений Среднего Урала. Возникновение села связано с основанием в 1740 г. П. Осокиным медеплавильного завода, при котором и возникло заводское поселение¹. Медеплавильный завод действовал до 1862 г., когда был закрыт в связи с выработкой руд². После закрытия завода многие «заводские» стали заниматься промыслами, среди которых одним из самых известных стал сохолодный, а местная более совершенная соха-курашимка была известна далеко за пределами Пермского края. Село Курашим было одним из крупных центров старообрядчества в Пермском Прикамье, кроме православного населения, на рубеже XIX – XX вв. в селе были единоверцы, а также крупные общины старообрядцев часовенного и поморского согласий. «Заводской» социальный статус жителей села, многоконфессиональный состав его населения, несомненно, не мог не сказаться на судьбах традиционной культуры, получившей несколько иные формы, нежели у крестьянского в социальном и православного в конфессиональном отношении, населения ближайшей округи. Особенности местного уклада не могли не отразиться и в курашимском свадебном обряде.

Сватовство

Обязательный начальный элемент свадьбы – сватовство. Выбор невесты и сватовство были не простым делом: «Согласна, не согласна. Не согласна – в другой дом пошли сватать. Раньше даже в другую деревню ездили. Отсюда километров 20, запрягают лошадь и поехали

¹ Пермский район: Краткий историко-топонимический справочник // Желтые страницы: Пермский край. 2006/07. Пермь, 2006. С. 881.

² Шумилов Е.Н. Курашим // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь. 1994. С. 130.

свататься. Родители может противоречили, против говорили. Например, за меня не отдадим, а другой приедет, за того отдадут. А не то что с бухты-барухты. Может, невеста не согласна: "Не пойду и всё". Может уйти из дому или в другую комнату».

Состав участников сватовства не был строго оговорен традицией. Сватать обычно ходили отец и мать жениха, другие близкие родственники: «Приходили отец с матерью. Или сестра, брат. Жених не приходил». «В общем, короче говоря, зять, две дочери было, и свекровь приходила сватать...». Как видим, жених не всегда принимал участие в сватовстве, однако немало примеров, когда и жених шел со сватами: «Меня сватать свекровь приехала да деверь, жених да золовка приехали».

Сватовство было обставлено некоторыми ритуальными условностями. Сватам, например, запрещалось, пока не получено согласие на свадьбу, переходить через матицу: «Зайдут в дом, чтобы через матицу вперед не переходить, пока не сосватают». «Пришли свататься, значит, стоят под порогом, вперед не проходят, вперед нельзя проходить». В случае нарушения запрета сватовство могло быть неудачным: «Ну, в общем, говорят, проходите вперед. Не проходят. Через матицу нельзя переходить, если перейдут, значит, могут не высватать. Сидели за матницей». Начать разговор о сватовстве старались иносказательно: «У вас есть товар, а у нас денежки, можем обменять». Хотя нередко разговор начинали и напрямую: «У вас есть невестушка, а у нас есть женишок. Не отдадите вашу невестушку за нашего жениха»? По некоторым приметам также могли судить об исходе сватовства, будет ли оно удачным: «Сваты приехали, а я на печку залезла... Ну вот, а я испугалась. Говорят, раз испугалась, значит, выйдешь».

После того, как сватовщики получали согласие на свадьбу, их обычно приглашали к столу, при этом сваты выставляли гостинцы, принесенные с собой: «Если да, значит проходите, садитесь за стол. А если нет, значит, стой под порогом...». «Раньше, если согласны, всё, самовар на стол... Естественно, надо бутылочку взять, две бутылочки для запаса. Если за стол сели, они еще могут бутылочку поставить, засватать-то...».

Характерной особенностью сватовства в селе Курашим было получение «слова» – согласия невесты на брак: «Если согласны, дают

слово. Дали слово. «Слово» называется. Дали слово замуж идти». Обычай «давать слово» при сватовстве сопровождался определенными ритуалами: «Ну, дак там только они берут, если вот так руки, полотенце положат вот так на руки, что слово дали. Называется, что слово дали». «Я бы не пошла. А оне, сватовщики, давай говорить, чё, болтали, болтали, оболтали. Стали перед иконой, молиться заставили с ним, слово давать. Слово дали, что дескать к свадьбе готовиться. За руки брались мы с ним, они нам рассекали ее чё-то. Много народу-то было. Потом за стол сели...». Часто этот ритуал свадебного обряда приурочивался не непосредственно к сватовству, особенно тогда, когда жених не участвовал в нем, а сопровождал повторный визит, на котором происходила договоренность о свадьбе и «давалось слово».

Многочисленные рассказы информаторов о сватовстве передают не только обрядовую сторону этого этапа свадьбы, но и раскрывают эмоциональный характер происходящего, показывают реальную ситуацию:

«Я с мужиком знакомая была. Пришли свататься. Мы уже договорились. Родители пришли и говорят, что пошли свататься, мужиковы-те. Их много братьев. Пришли меня свататься. А я бедная была, отца не было. А я и говорю: "Чем я пойду замуж"? А мне тетка и говорит, Онисья: "А че, ты год проживешь, ничего не наживешь. И два проживешь. Иди"».

«Ой, меня сватали. Пришел из армии. На побывку вот пришел и говорит: "Я за тобой приехал". Я говорю – да нет, я не пойду, говорю, я еще учусь. Я училась тогда на курсах. Он говорит – дак чё, всё равно я один не поеду. А потом он говорит папе моему, он уже с ним раньше говорил. Потом говорит – дак чё, она ведь не идет. А отец вышел, говорит: "Чё ты думаешь, за тобой Сталин приедет? Что за такого жениха не идешь"! Я и пошла».

«Там, когда меня сватали, вообще ничего не было. Свекровь приехала да деверь, жених да золовка приехали. А я на печку залезла. Ха-ха-ха. А жених сидит под порогом. Говорят, нельзя ему проходить. Если он пройдет, невеста не пойдет замуж. Ну вот, а я испугалась. Говорят, раз испугалась, значит, выйдешь. А мама сказала, что нет, не отдам, подождите. А он сказал – а мне такой не найти, не найти мне такой, настаивал на своем. И всё. Ну, литру на

стол, водки. Они там, ну, сходили, сказали, тут уже пришли. Там ведь в деревне сразу друг другу скажут. Тетка Анна пришла, вот, тоже Петр Иванович пришли, Лиза и всё, всё. Так и сосватали...».

«У меня сестру сватали, я помню. Свекровь пришла, этот, Петр, ну, как зять ихний же, Надежда была, золовка считается. В общем, зять, две дочери было, и свекровь приходила. Приходят, пришли: “Здрасьте”! – “Здрасьте”. Смотрят. Разговаривали, не знаю, что там говорили. Потом уже спрашивают у моей у сестры: “Пойдешь за нашего жениха замуж, нет”? Она сначала молчала, молчала, кружева вязала. Вязала, вязала. Не знаю, сколько раз спрашивали. В общем, чуть ли не все по разу. Один, значит, подхваливает, другой, этот, этот. Ответила, и всё, я больше ничего не помню. Сказала: “Пойду”. И потом, коль сказала пойду, а потом что было, это я не помню. Потом эти свадебня ушли, значит».

«Со сватовством меня брали. Много приходило свататься. Родня-то большая у их была, теток-то. А я не хотела идти. Мы с мамой лежим на печке, я и говорю: “Мама, сегодня он хочет прийти свататься”. Чё-то захохотала. Дедушка и говорит: “Чё смешно”? Я и говорю: “Дедушко, седня сватушки придут”. – “Ступай, парень-от хороший, ступай”. Я говорю: “Так придано-то ведь нету”. – “У тебя половики есть, на плечо и ступай с половиками-то”. А я не собиралась за его замуж, я сказала, что не пойду. У меня как-то не было любви к ребятам. Ребят у меня много было. Я сейчас удивляюсь: “Ой, люблю, люблю”. У меня этого не было. А как я за его только вышла замуж-то? Не хотела ведь. Мы сидели с мамой-то на печке. Мама слышала, что там идут. Он чё, уж ходил со мной, так она знала. А гостей много. Она с печи-то слезла, пошла с лампой встречать их. Они пришли, народу-то много. А раньше было как – старухи-то знающие были. И говорит, если матицу перейдешь, не высватаешь. Она его научила под порогом стоять. А у меня мысли-то были, что она пройдут, да я убежу, фиг она меня высватают. А он стоит тут, у порога, ни туда и ни сюда. Вот они там болтали, болтали, болтали сами-то с собой. Одна и говорит: “А где у нас невеста-то”? Дедушка: “На пече сидит”. Вот он меня и выдал. Я бы и так не убежала, раз он тут стоит на пороге. Пришли, меня с печи сняли, давай говорить. Я бы не пошла. Чё, болтали, болтали, оболтали. Слово дали, что дескать к свадьбе готовиться. Потом за стол сели вино пить, чай пить, свадьбу давай делать».

Брак по сватовству был не единственной формой заключения брачного союза. Достаточно распространенными были браки и без родительского благословения – свадьбы *убегом*. В таком случае жених увозил невесту без согласия ее родителей, а спустя какое-то время происходило прощение и примирение обеих сторон: «Убегом называется, вот если ушла, ни матери, ни отцу, никому не сказала, ни сватаются, ничего. Раз пошли, всё, зарегистрировались, пришли в церковь, да, там в книгу записали, всё, поп обвенчал. Там идет свадьба у жениха, а родители не знают. И там уже дня через три, значит, идет дочь, если дочь вышла там, идет со своим этим мужем, к своим к родным. “Тятенька, прости меня, Христа ради. Мама, прости меня, Христа ради”. Они не прощают, ругаются. Нет. Но потом уже неделя пройдет, смирятся с ними. Вот так убегом называли. Что убегом выходила. Это моя мама выходила убегом».

Не всегда девушку родители выдавали замуж с ее согласия. Они сами старались найти наилучшую партию, не спрашивая девушку о том, кто ей нравится. В таких случаях бывало, что парень «воровал» свою возлюбленную, порой уже и после венца. Примеры этому нередки в рассказах информаторов: «Венчаются уже, за одного выходит замуж, поедет венчаться, вот есть у нее другой парень, и он не хочет ее оставить, он даже с круга выводил из церкви. Увезет сразу. Уже подговорится там. Сначала прячутся, конечно, чтоб их не нашли. А потом уже маленько успокоится, все уже, ну, тогда и выходят»; «Тетя выходила замуж. Вот вышла, вот всё, вся родня сказали, что пойдешь за этого замуж. Они обвенчались, всё. Из церкви приехали, за столом все празднуют. И вот ее парень, которого она любила, он приехал. Только постучал в окно, она посмотрела, вышла. Он ее в сани, и увез к себе. Прямо из-за стола. И потеряли невесту, нету».

Девушник

После сватовства и получения окончательного согласия начинался период подготовки свадьбы. Как и в большинстве русских традиций Пермского края, этот этап свадебного обряда в селе Курашим имел название «девушник». Время девушника растягивалось от нескольких дней до двух-трех недель:

«Где-то три-четыре дня девишник идет». «Известно, девишник, неделя. Кто побогаче, девишники устраивали две недели». На девишник собирались подруги невесты помогать готовить приданое: «Задуманные у невесты подруги помогали вышивать салфетки...». «На девишнике приданое готовили подружки. Кто вяжет, кто шьет...». «Девки шьют на девишнике. Раньше шили наволочки, вышивают полотенца, кружева пришивают. Постель готовят. Раньше называли кружева прошивы. Поднавес, шторки делают с кружевами. Подушки, одеяла, поднавесы, всё что есть, что сготовлено перед свадьбой, ложат на полата...».

Обязательным на курашимской свадьбе было гостевание жениха с друзьями во время девичника, при этом жених непременно приходил с гостинцами: «Жених каждый день или через день ходил. У кого есть на что купить конфет и семечек. Жених придет, принесет конфет к чаю-ту». «Жених эту неделю каждый день приходит в гости с другом. Она собирает своих подруг. И поют песни. Жених приходит с гостинцами: конфеты, печенье, пряники, семечки, орехи». «Жених, если придет на девичник, он несет то ли орехи, то ли семечки. Вот сидят, шелкают, чё-то всё делали, всё готовили невесте что-нибудь». Во время визитов жениха все наблюдали, как ладит жених с невестой: «Он принесет конфеты, орешки, семечко, угощает. Возьмет блюдечко или тарелочку: "Девчата, угоститесь, пожалуйста"! Чаем поили жениха. Там только песни пели. Все смотрят, как невеста с женихом сидит. Мирно ли они сидят, как они друг на друга смотрят, милы и ли не милы».

Начиная девишник, в первый вечер обязательно величали жениха и невесту: «Девишник собирается. Ну, там сосватали, на другой день там или на третий, второй, вот девишник собираются. И вот поют жениху, поют невесте, поют там, кто приходит. В деревне было заведено: приходят, смотрят как бы на жениха, на невесту, свадьбу смотрят. И им поют вот эти песни всем, всем все деньги-то». «Приходили парни с женихом тоже, с гостинцами. Поют ребятам. Парням поют одну песню, девчонкам – другую, женицу – тоже другую, вдове – тоже другую песню, замужним – тоже. Деньги брали. Блюда подносили. Водки не было в девишник. Первую песню поют невесте, жениху поют. А потом всем

остальным поют, кто есть, зрители придут. Раньше клубов не было, там придут, смотрят, везде на полатах, на печке...».

Ты мой царевич

(жениху в первый день девишника)

Ты мой царевич,
Уж ли царь ли ты мой, мой царевич,
Молодой господин королевич.
Молодой господин королевич,
Разудалый мой добрый молодец.
Тебя мамонька воспроизвела
Под ракитовым частым кустиком,
Под малиновым под прутчиком.
Не давала же ветру винуть
Не с которой не со сторонушки,
Не с которые путь-дороженьку.
Ешо стал вставать добрый молодец
На свои-те же ножки резвые.
Стал с-по уличкам часто ездити,
С-по частым мелким переулочкам.
Тут завидела красна девица
Из высокова нова терема,
Из кошетшета да из окошечка,
Скрозь немецкое скрозь стеколышко.
Разудалому добру молодцу,
Свет Дмитрию Иванычу.
С песенкой Дмитрий Иванович!

Возле Неву, возле Неву

(невесте в первый день девишника)

Возле Неву, возле Неву
Да на крутом берегу, на крутом берегу
Ой, тут же стоял, тут же стоял
Да сыр-высокий дуб, сыр-высокий дуб.
Ой, да на том дубу, на том дубу

Сидит пташечка, сидит касаточка.
 Ой, все оне к одной, все оне к одной
 Да собиралися, собиралися.
 Ой, все они одну, все они одну
 Да сожалелися, сожалелися.
 Ой, свет наша пташечка, касаточка,
 Ой, больше нам с тобой, больше нам с тобой,
 Да нам не лётывати, нам не лётывати.
 Ой, пшёнки с горошком, пшёнки с горошком
 Нам не клёвывати, нам не клёвывати.
 Ой, возле Неву, возле Неву
 Да на крутом берегу, на крутом берегу,
 Ой, тут же стоял, тут же стоял
 Да нов-высок терем, нов-высок терем.
 Ой, в этом терему, в этом терему
 Да сидит девица, сидит красавица.
 Ой, все оне к одной, все оне к одной
 Да собиралися, собиралися.
 Ой, все они одну, все они одну
 Да сужалелися, сужалелися.
 Ой, свет ты наша, свет ты наша,
 Да наша кумушка, наша подруженька,
 Ой, больше нам с тобой, больше нам с тобой
 Да нам не гуливати, нам не гуливати,
 Ой, тайных речей, тайных речей
 Да не говаривати, не говаривати.
 Ой, крепкие думы, крепкие думы
 Нам не думывати, нам не думывати.
 Ой, крепкая дума, крепкая дума –
 Чужая сторона, чужая сторона.
 Ой, тайные речи, тайные речи
 Удалого молодца, удалого молодца.
 Ой, свет разудалый (имя).

На девишнике исполнялись величания и другим его участникам и гостям: молодым парням и девушкам, родителям невесты, родственникам. Как и во время свадьбы, было принято одаривать

исполнителей величальных песен: «Девишники, это у невесты. Девишники были, там девки три или четыре дня песни пели. Народ приходил, те песню спели, приходят с блюдечком: “Заплатите денежку! Тебе, доброму молодцу спели, плати”. На девишник ходили все, может, пришли из другой деревни, может, из другого села пришли. А песни-те девки-те поют. Девкам песни пели такие, бабам другие песни пели уже. Ребятам вот так вот. Деньги разделят потом».

У перелетняго, перелетняго (свадебная неженатому парню)

У перелетняго, перелетняго
 Яснова сокола, яснова сокола,
 У приезжего, у приезжего,
 У доброго молодца, у доброго молодца,
 Свет Андрея-то, свет Андрея-то
 Да Сергеича, да Сергеича,
 В три ряда кудри, в три ряда кудри
 Завивалися, завивалися.
 Что во первый ряд, что во первый ряд
 Из кольца в кольцо, из кольца в кольцо.
 Во второй-от ряд, во второй-от ряд
 Чистым серебром, чистым серебром.
 Что во третий ряд, что во третий ряд
 По плечам вились, по плечам вились.
 Завила кудри, завила кудри
 Родимая сестрица, родимая сестрица.
 Воспоил-скормил, воспоил-скормил
 Сударь-батюшко, сударь-батюшко.
 Завила кудри, завила кудри
 Родимая сестрица, родимая сестрица.
 Возияли молодца, возияли молодца
 Няньки-манюшки, няньки-манюшки.
 Разудалому, разудалому
 Добру молодцу, добру молодцу,
 Свет Андрею-ту, свет Андрею-ту
 Да Сергеичу. С песенкой Андрей Сергеич!

Долина, долинушка, да рѳздолье широкое
(свадебная дружкам)

Долина, долинушка, да рѳздолье широкое.
Да роздолье широкое, да прибыльѳ весѳлое.
Да увидала мамонька из высока терема.
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, из высока терема.
Родимо дитятко, да что ходишь невесело?
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, что ходишь нерадостно?
Да родимая мамонька, что мне веселится.
Да что мне веселится, да что мне радоваться.
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, что мне радоваться.
Все мои товарищи, все переженилися,
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, все переженилися.
Все переженилися, да все перевенчались.
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, все перевенчались.
Я живу с мамонькой, холост, неженатый, у.
Ай лѳ-ли, ай лѳ-ли, холост, неженатый, у.
Да женись, женись, дитятко, женись, мое умное.
Да ай лю-ли, ай лѳ-ли, женись, мое разумное.
Бери, бери девушку, кою тебе хочется.
Да ай лѳ-ли, аѳ лю-ли, кою тебе хочется.
Хочется, желается да душу красну девицу.
Да ай лю-ли, ай лю-ли, душу красну девицу.
Да душу красну девицу удалу добру молодцу.
Да ай лю-ли, ай лю-ли, удалу добру молодцу.

*«В любое время поют. Дружкам в свадьбу некогда было петь.
Это во время девишника. Во время свадьбы они шипут кашу... Это
пели, когда жених ходил на девишник...»*

Уж ты винная ягодка
(девушке)

Уж ты винная ягодка, уж ты винная ягодка,
Да зеленая группица, да зеленая группица.
Душа красная девица, душа красная девица,
Свет Марина Евгеньевна, свет Марина Евгеньевна.
У тебя же у девицы, у тебя у красавицы,
У тебя лицо белое, у тебя лицо белое,
Примени к снегу белому, примени к снегу белому,
Снегу белому да студеному, снегу белому да студеному.
У тебя же у девицы, у тебя у красавицы,
У тебя щечки алые, у тебя щечки алые,
Примени к маку алому, примени к маку алому,
Маку алому да кудрявому, маку алому да кудрявому.
У тебя же у девицы, у тебя у красавицы,
У тебя очи черные, у тебя очи черные,
Как пером наведенные, как пером наведенные.
У тебя же у девицы, у тебя у красавицы,
У тебя очи ясные, у тебя очи ясные,
Как у ясного сокола, как у ясного сокола,
У ясного перелетного, у ясного перелетного.
У тя сужено-ряжено, у тя сужено-ряжено,
Да придано налажено, да придано налажено.
Сундуки принакладены, сундуки принакладены,
Да коленом надавлены, да коленом надавлены,
Золотым ключом заперты, золотым ключом заперты,
Золотым, позолоченным, золотым, позолоченным.
Душа красная девица, душа красная девица,
Свет Марина Евгеньевна.
С песенкой Марина Евгеньевна!

В огородица-то зеленым зелены
(семейной паре)

В огородице-то зеленым зеленым,
Ой, калина, ой малина.
Как на этих садах лисья шуба висит,
Ой, калина, ой, малина.
Лисья шуба висит, полы дуются,
Ой, калина, ой, малина.
Полы дуются, раздуваются,
Ой, калина, ой, малина.
Александр господин, поезжай во Москву.
Ой, калина, ой, малина.
Да Иваныч-от, поезжай в Москву,
Ой, калина, ой, малина.
Поезжай в Москву да купи парчу,
Ой, калина, ой, малина.
Да купи парчу, парчу на золоте.
Ой, калина, ой, малина.
Я за эту парчу, я тебе услужу,
Ой, калина, ой, малина.
Я тебе услужу, тебе сына рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Сына ясного, сына сокола,
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе сына рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Свет и Виктора Александровича.
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе сына рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Сына ясного, сына сокола.
Ой, калина ой, малина,
Свет Сергея-то Александровича.
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе дочи рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Дочи белую да лебедушку,
Ой, калина ой, малина,
Свет Любовь-ту да Александровну,
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе дочи рожу,

Ой, калина, ой, малина.
Дочи белую да лебедушку,
Ой, калина, ой, малина.
Ираиду-ту да и Юрьевну,
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе сына рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Александра-то да Викторовича,
Ой, калина, ой, малина.
Сына ясного, сына сокола,
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе дочи рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Дочи белую да лебедушку,
Ой, калина, ой, малина.
Свет Ольгу-ту да Сергеевну,
Ой, калина ой, малина.
Я еще услужу, тебе дочи рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Дочи белую да лебедушку,
Ой, калин, ой, малина.
Свет Светлану-то да и Викторовну,
Ой, калина, ой, малина.
Я еще услужу, тебе сына рожу,
Ой, калина, ой, малина.
Сына ясного, сына сокола,
Ой, калина, ой, малина.
Свет Евгения-то Александровича,
Ой, калина, ой, малина.
Разудалому добру молодцу,
Ой, калина, ой, малина.
Александру-то да Ивановичу,
Ой, калина, ой, малина.
Молодой жене да бояроне,
Ой, калина, ой, малина.
Свет Полине-то да Васильевне,
Ой, калина ой, малина.
- С песней, Полина Васильевна!
- Благодарю, красны девицы.

От горницы, от горницы
(песня госте)

От горницы, от горницы,
От горницы до горницы,
От горницы до горницы
Лежат ковры, лежат ковры,
Лежат коврички сповышитые,
Лежат коврички сповышитые.
С-по тем коврам, с-по тем коврам,
С-по тем ковричкам вышитые,
С-по тем ковричкам вышитые -
Тут и ходила, тут и ходила,
Тут и ходила-гуляла,
Тут и ходила-гуляла
Молода жена, молода жена,
Молода жена боярня,
Молода жена боярня,
Свет и Нина-то, свет и Нина-то,
Свет и Нина Александровна,
Свет и Нина Александровна.
Во руках она, во руках она,
Во руках она носила,
Во руках она носила,
В правой ручке, в правой ручке,
В правой ручке зелено вино,
В правой ручке зелено вино.
В левой ручке, в левой ручке,
В левой ручке меду ставленного,
В левой ручке меду ставленного.
Во платочике, во платочике,
Во платочке бел-крупитчатый калач,
Во платочке бел-крупитчатый калач.
За ней ходил, за ней ходил,
За ней ходил удалой молодец,
За ей ходил удалой молодец,
Свет и Дмитрей-от, свет и Дмитрей-от,

Свет Дмитрий Иванныч-от, свет Дмитрий Иванныч-от.
Подай, жена, подай, жена,
Подай, женушка, зеленого вина,
Подай, женушка, зеленого вина.
Подай запить, подай запить,
Подай запить меду ставленного,
Подай запить меду ставленного.
Подай заисть, подай заисть,
Подай заисть бел-крупитчатый калач,
Подай заисть бел-крупитчатый калач.
Не для тебя, не для тебя,
Не для тебя зелено вино,
Не для тебя зелено вино.
Не для тебя, не для тебя,
Не для тебя меду ставленного,
Не для тебя меду ставленного.
Не для тебя бел-крупитчатый калач,
Не для тебя бел-крупитчатый калач.
Еще есть у нас, еще есть у нас,
Еще есть у нас милый сын,
Еще есть у нас милый сын,
Свет Сергей-от же, свет Сергей-от же,
Свет Сергей-от Демитревич,
Свет Сергей-от Демитревич.
Еще есть у нас, еще есть у нас,
Еще есть у нас милой сын,
Еще есть у нас милой сын,
Свет Вадим-от жо, свет Вадим-от жо,
Свет Вадим-от Демитревич,
Свет Вадим-от Демитревич.
Еще есть у нас, еще есть у нас,
Еще есть у нас милая дочь,
Еще есть у нас милая дочь,
Свет Татьяна-то, свет Татьяна-то,
Свет Татьяна Ивановна,
Свет Татьяна Ивановна.
Еще есть у нас, еще есть у нас,

Еще есть у нас милая дочь,
 Еще есть у нас милая дочь,
 Свет Наталья-то, свет Наталья-то,
 Свет Наталья Алексеевна,
 Свет Наталья Алексеевна.
 Еще есть у нас, еще есть у нас,
 Еще есть у нас милой внук,
 Еще есть у нас милой внук,
 Свет Андрей-от же, свет Андрей-от же,
 Свет Андрей-от Сергеевич,
 Свет Андрей-от Сергеевич.
 Еще есть у нас, еще есть у нас,
 Михаил-от жо, Михаил-от жо,
 Михаил-от Сергеевич,
 Михаил-от Сергеевич.
 Еще есть у нас, еще есть у нас,
 Еще есть у нас милой внук,
 Еще есть у нас милой внук,
 Свет Денис-от жо, свет Денис-от жо,
 Свет Денис-от Вадимович,
 Свет Денис-от Вадимович.
 Разудалому, разудалому,
 Разудалу добру молодцу,
 Разудалу добру молодцу,
 Свет Дмитрию, свет Дмитрию,
 Свет и Дмитрий Ивановичу,
 Свет и Дмитрий Ивановичу.
 Молодой жене, молодой жене,
 Молодой жене бояроне,
 Молодой дене бояроне,
 Свет и Нине-то, свет и Нине-то,
 Свет и Нине Александровне.
С песенкой, Нина Александровна!

Ой, яблонь, яблонь, кудрява моя
 (величальная солдатке: «Она солдатка, хоть она молодая, хоть она
 пожилая или старая, всё равно ей поют...»)

Ой, яблонь, яблонь, кудрява моя.
 Ой, груша ты груша, груша лазоревая.
 Ой, что не цветешь, не лазоревеешь?
 Ой, рад бы цвела и лазоревела,
 Ой, вьюги метут и метут на меня.
 Ой, лихие морозы словызносили,
 Ой, лихие морозы рождественские.
 Ой, что же Полина невесело сидишь?
 Ой, что же Васильевна нерадостно?
 Ой, что мне сидеть, веселиться,
 Ой, что мне сидеть, радоваться.
 Ой, нету при мне милой ладушки,
 Ой, свет Александра Ивановича.
 Ой, милая ладушка сколь далеко?
 Ой, за лесом-лесом за темными,
 Ой, за гором-гором высокими.
 Ой, за речкам-речкам за быстрыми.
 Ой, за морем-морем за синими.
 Ой, скоро мой душечка в бой пойдет,
 Ой, в бой пойдет да врага убьет.
 Да врага убьет, да домой придёт.
 Ой, скоро придет милой ладушка.
 Ой, свет Александр-от Иванович,
 Ой, свет молодой жене бояроне,
 Ой, свет жо Полине Васильевне.
 Ой, есть же у ней да и милой сын,
 Ой, свет же Виктор Александрович.
 Ой, есть же у ней да и милой сын,
 Ой, свет же Сергей Александрович.
 Ой, свет молодой жене бояроне,
 Ой, свет же Полине Васильевне.
С песенкой, Полина Васильевна!

Невеста на девичнике сидела в свадебном наряде: «Девичник неделя целая. Невесту одевают в цветы, ленты привязывают. Вот на голову эти восковые цветы делали, венок. Уже на девичнике, все дни. Все дни надевает, и ленты привязывает. Там много, много их. Как вот на Украине показывают, эти выступают, так и тут. Там вокруг, а у нас на одном месте, прямо в косу вот привязывают. Здесь цветы, а там в косу много-много лент. Не вплетают, просто так привязывают за косу. Они просто так, в одной куче, но много очень. Один бант завязывают, один бант. Девчонки песни поют, танцуют. Вот когда танцуют, начинают танцевать, они так развешаются. Красиво, много, хорошо».

На девичнике с приходом парней пели, играли, танцевали: «Был девичник вечером, накануне свадьбы. Плясали, пели. Девки поют, ребята играют. Раньше игра была, играют – ланце, кадрили». На девичник посмотреть на невесту собиралась и детвора: «Маленькие были, ходили раньше, бегали смотреть. Девичники смотрели».

Девичник, особенно в последние дни перед свадьбой, был наполнен и свадебными причитаниями: «Так еще говорят невесте: не нареवेशься за столом, так выйдешь замуж – нареवेशься за столбом. Да тут все свои были, три девки. Вытьё были, чтобы невеста ревела. В баню ходили, ходили, девки тоже, тоже причитали».

Баня

Обязательным накануне свадьбы было мытьё невесты в бане. Обряды, совершавшиеся в бане, символически продолжали прощание с дивьей красотой и родительским домом. В бане также исполнялись свадебные причеты: «Я до свадьбы мылась, ходили раньше. У нас напротив, маленькая я была, девушку отдавали замуж, в бане девки пели, она ревела, даже у нас на другой стороне-слышно было». «На другой день уж свадьба будет. Я одна мылась. Я одна мылась, девки токо пели, были да». «Женица, из своих кто-нибудь затопляет баню. В баню невесту водят. Вперед она зайдет с девчонкой, кого она выберет. Они моются, девчонки песню поют. Если ни отца, или матери нет, того ли другого нет, “Гору” поют. “Вот гора ли моя высокая, гора высокая, стена моя белокаменная”, – это надо выть. Таким же мотивом. Девчонки поют, воют. Девушки поют у дверей у бани, в предбаннике. А если есть родители, значит: “Закатилось красно солнышко” припевают».

Закатилось да красно солнышко

Закатилось да кра-, красно-, красно солнышко
Что за лесы-те да ле-, лесы, ой, лесы тёмные,
Ой, что за горы- те, ой, горы высокие,
Ой, да что да за тятенки, да за широ-, ой, за широки,
Ой, да что за мамонкин нов, нов-высок терем,
Ой, да что за братчикова се-, сени, ой, сени новые,
Ой, что-то за-то сестрицы да за но-, ой, новую горницу,
Ой, да что да за то, ой, за кутневое окошечко.

Целый ряд свадебных ритуалов выполнялся невестой в стремлении обеспечить замужество своим подружкам. Часть из них совершалась в бане. Например, с этой целью невеста бросала из бани мыло: «Там она бросает из бани мыло. Мыло бросают. В кого попадет, тот и замуж выйдет. И мыло бросает, в бане тоже выходит, выбегает, она открывает дверь, берет и бросает их, на каменке нагреет, чтобы горячее было, чтобы помнили». С этой же целью обеспечить скорое замужество, невеста в шутку «парила» своих подружек: «Просто берут веник, размочат его, потом она бегат, парит по улице уже. Она вымоется, потом горячим веником всех подряд. Нина весной выходила. Травка была такая зелененькая, крапива. Мы все ноги под крапиву пережарили, она за нами побежала. Кто что придумат, лишь бы только было интересно».

Просватанье, обручение

Вечером накануне дня свадьбы в доме невесты проходило **просватанье (просвати́на)**, или **обручение**: «Первый день, просватанье – гуляют у невесты. А второй день, уже свадьба – у жениха». На просватанье собирались гости как со стороны жениха, так и невесты: «Раньше делали не то, чтобы свадьба. А сначала у невесты, просватанье называется. Если просватанье идет у невесты, с собой идут немного народу, а к жениху все идут, кто будет приглашенный». «Просватанье – как обыкновенная пирушка что ли. Накануне устраивали. Гостей много собиралось».

Обязательным угощением на обручение были пельмени: *«Сегодня у нас было просватанье, гуляли мы у невесты. Вот на просватанье пельмени обязательно. Мелкие, мелкие, всё дивилась, просто такие маленькие, маленькие настряпают. Очень много и мелкие».*

Встреча гостей в просватанье в некоторых чертах повторяла встречу гостей в доме невесты во время самой свадьбы.Guestы также встречали с песнями подружки невесты, гостям исполнялись величания, однако тексты песен могли и не совпадать с теми, что исполнялись собственно в свадьбу.

«Просватанье было накануне свадьбы. Обручение и просватанье – одно и то же. Там все свадебьяна у невесты. А на следующий день уже у жениха. Там поют «Не было ветру», что много приехало».

Ой, не было ветру

Ой, не было ветру, не было ветру,
Вдруг навеяло, вдруг навеяло.
Ой, не было гостей, не было гостей,
Да вдруг наехали, вдруг наехали.
Ой, полной двор, полной двор
Да вороных коней, вороных коней.
Ой, полные сени, полные сени
Молодых кучеров, молодых кучеров.
Ой, полное застолье, полное застолье
Дорогих гостей, дорогих гостей.
Ой, встану, постою, встану, постою,
Я на всех посмотрю, я на всех посмотрю.
Ой, кто вино пьет, кто вино пьет,
Зеленое кушает, зеленое кушает.
Ой, пьет же вино, пьет же вино
Родимой тятенька, родимой тятенька.
Ой, тятенька, пей, тятенька, пей,
Да меня не пропей, да меня не пропей.
Ой, пропей-ко, пропей, пропей-ко, пропей
Своего добра коня, своего добра коня.
Ой, ты его пропьешь, ты его пропьешь,

Да его выкупишь, его выручишь.
Ой, ты меня пропьешь, ты меня пропьешь,
Меня не выкупишь, меня не выручишь.
Ой, стану, постою, стану, постою,
Да я на всех посмотрю, я на всех посмотрю.
Ой, кто вино пьет, кто вино пьет,
Зеленое кушает, зеленое кушает.
Ой, пьет же вино, пьет же вино
Родима мамонька, родима мамонька.
Ой, мамонька, пей, мамонька, пей,
Да меня не пропей, да меня не пропей.
Ой, пропей-ко, пропей, пропей-ко, пропей
Дубовые сундуки, дубовые сундуки.
Ой, ты их пропьешь, ты их пропьешь,
Да ты их выкупишь, ты их выручишь.
Ой, ты меня пропьешь, ты меня пропьешь,
Меня не выкупишь, меня не выручишь.
Ой, свет душа красная, свет душа красная
Да и девица, да и девица,
Свет же Марина, свет же Марина Евгеньевна.

«Это в самом начале поют на обручение, когда гости приехали, только идут, заходят».

Жених и невеста в обручение сидели вместе, однако в отличие от свадебного дня невеста выходила к жениху сама, в то время как в свадьбу к жениху ее выводили: *«В обручение невесту никто не выводит, сама садится. Жених приезжает со своей матерью, еще кто-то приезжает, садятся».*

Главные величания в обручение исполнялись жениху и невесте. Жениху исполняли величание, которое в других случаях, на девешнике или в свадьбу, могли исполнить и холостому парню:

У летняго перелетняго
(женеху в обрученье)

У летняго перелетняго
Ясного сокола, ясного сокола,
У приезжева, у приезжева
Доброго молодца, доброго молодца,
У Ивана-то, у Ивана-то
Да Васильича, да Васильича
В три ряда кудри, в три ряда кудри
Завивалися, завивалися.
Что во первый ряд, что во первый ряд
Из кольца в кольцо, из кольца в кольцо.
Во второй-от ряд, во второй-от ряд
Чистым серебром, чистым серебром.
Что во третий ряд, что во третий ряд
По плечам вились, по плечам вились.
Завила кудри, завила кудри
Родимая сестрица, родимая сестрица.
Воспоил-скормил, вспоил-скормил
Сударь-батюшко, сударь-батюшко.
Завила кудри, завила кудри
Родимая сестрица, родимая сестрица.
Возияли молодца, возияли молодца
Няньки-манюшки, няньки-манюшки.
Разудалому, разудалому
Добру молодцу, добру молодцу,
Свет Андрею-ту, свет Андрею-ту
Да Сергеичу.

Для невесты в обрученье в курашимской традиции пелись две песни, одна – в случае, если у невесты было оба родителя, другая – невесте-сироте или *полсироте*:

От крутого бережка
(невесте в просватанье, если у неё оба родителя)

От крутого бережка,
От горячего камешечка
Отплыват три корабличка.
Что во первом корабличке
Сундуки окованные.
Во втором-то корабличке
Со постелей со мягкойю.
Что во третьем корабличке
Со душой красной девицей,
Свет и Ниной Александровной.
Отдают её молоду
На чужу-дальню сторону.
На чужой дальней стороне
Надо жить-быть умеючи,
Говорить разумеючи,
Носить платье, не складывати,
Терпеть горе, не сказывати.
Понося платье, сложится.
Потерпя горе, скажется.
Посылают её молоду
Во глуху полночь по воду.
Во первом за водой пошла,
Во втором воду черпала.
Налетели гуси серые,
Возмутили воду свежую,
Воду свежую, ключёвую.
Уж я час дожидалася,
Да вода устоялася.
На гору подымалася,
Да заря занималася.
Вижу, свёкор стоит у ворот.
Он свекровку журит и бранит,
Меня, молоду, бити велит.
Вот спасибо золовущке,

Заступила, замолвила
За меня молодешеньку,
Зеленым-зеленёшеньку,
Душу красну девицу,
Свет Нину Александровну.
Посреди моря синего
Сера утица сплакала.
Мать о дочери сплакала:
Воротись, наша милая дочь.
Ты забыла, оставила
На столе золотые ключи
Со серебряной тарелочкой.
Не обманывай маменька,
Я не то у вас оставила -
Я забыла, оставила
Волю, волю-ту тятенькину,
Негу, негу-ту мамонькину,
Да свою девью красоту.

Вы цветы ли мои цветики

*(невесте в просватанье, если которая-то из родителей нет.
Вообще-то, главная эта песня)*

Вы цветы ли мои цветики,
Да вы цветы мои лазоревы.
Да вас немножко было сеяно,
Да что вас много уродилось
Да у души, у красной девицы
Да свет Катерины Ивановны.
Да не хотела она взамуж идти,
Да всё хотела в монастырь идти,
Да всех подружек с собой везти.
Да что которую во старицы,
Да что котору во келейщицы.
Да я сама буду егуменьшой,
Да душа красная девица,
Да Катерина Ивановна.

Да уж вы кумушки-подруженьки,
Да вас немножко было создано,
Да что вас много очутилося
Да у души у красной девицы,
Да у Катерины Ивановны?
Да уж вы милые гости,
Да вас немножко было создано,
Да что вас много очутилося?
Да одного-то гостя нету-ка.
Нет родимого тятеньки.
Мне сегодня его бы, его надо бы
Да для сегодняшнего вечера,
Да для моего для обрученья.
Да души красные девицы,
Да Катерины Ивановны.

Пейте вы, кушайте, кони мои...

(«Уже последнее невесте поют. В обручение последняя»)

Пейте вы, кушайте, кони мои,
Кони мои, кони воронные.
Завтра поутру свезите меня
Дальше-подальше от тятеньки,
Ближе-поближе ко свекру,
Дальше-подальше от мамоньки,
Ближе-поближе к свекровушке,
Дальше-подальше от братчика,
Ближе-поближе к деверю,
Дальше-подальше от сестрицы,
Ближе-поближе к золовке.

Расплетение косы, прощанье с дивьей красотой

В свадебном обряде обязательно было расплетение невестинной косы — символа девичества. Косу в одних случаях расплетали накануне свадьбы в последний день девичника — в обрученье: «Косу до свадьбы, во время девичника. Соберутся вечером, не вечером

даже, днем. Что завтра свадьба, к венцу ехать, в этот день расплетали косу. Приглашали мать, приглашали тех, кто был поближе к невесте. "Подойдите к столу дубовому такой-то, такой, расплети мою русу косу..."».

...Приступи-ка, родима мамонька,
Ко столу дубовому, да к моей русской косоньке,
Да расплети мою рубчату косоньку.
На разлуку ты не в первую,
Дивьей красоте во последнюю.

«Тут встанут, и мать приступится, и кто есть родственники, сестра. Подружки приступятся. Может быть и хрѣсна. Подружки все пели. Ниче не расплетали, просто прикладывались. Мать и расплетала, еще хрѣсна, если есть. Подружки только пели. Расплели, на другой день свадьба. Ленточки куда не девали, это только пели. Ленточки еще в косе были. Она раздавала ленточки в тот день, когда ехать к венцу».

Но чаще всего, как отмечают информаторы, косу расплетали утром в день свадьбы. Девушки-подружки ночевали у невесты либо собирались ранним утром, тогда начинался обряд прощания невесты с домом. Сначала невеста заплетала косу под пение подруг: «Заплети мою (т)рубчату косу меньше семечка, меньше конопляна, еще меньше семя макова».

Я спала да высыпалась

Я спала да высыпалась,
Я ждала да дожидалась,
Что не будит родимый тятенька,
Что не будит родима маменька,
Что пропели трои петухи.
Я спала да высыпалась.
Потекла моя да тесова кровать
По Дунаю по реке, я хваталась сна,
Я валилась с белыми ручками.
Вырывались мои ручки белые.

Ой, да заплети ты, родима мамонь-, родима мамонька,
Ой, да что да мою-ту да тру-, ой, трубчатую косу.
Ой, да меньше семечка, да ой, семя коноплена.
Ой, да что еще-то ме-, меньше семена, ой, семя макова.

«Потом споют: подойди, родимый тятенька, заплети мою косу, потом подружкам».

Затем начинали расплетение косы. Невеста остается на кровати, либо садится за стол, девушки поют, а мать, крестная и все подруги по очереди, следуя словам песни, подходят к невесте, чтобы расплести часть косы. «Она на постеле еще, плетет косу. Потом моется, потом за стол девушки садятся, невеста садится, припевают девушек, мать приглашают: "Подойди, родима мамонька, к моему столу дубовому, к моей трубчатой косе..."». Она платком закрыта, черным. Светлые были платки, красивые, цветные. Девки тут спят рядом с невестой, в последний-то день. Там места не хватает, когда девчонки спят, по полу повалкой». Невеста в это время воет: «Когда вытье, так платком закрыта. Ей это поют, а она хрястается, плачет». «Поют перед венцом, еще не одетая, раздает свою дивью красоту по кумушкам да по подруженькам. Сначала подзывается мать: ты расплети мою трубчату косу».

Ленты из девичьей косы невесты собирали на большое блюдо, их и называли «дивьей красотой»: «Дивья красота – ленточки все на тарелочке лежат. Большая тарелка, как столовая, блюдо или поднос красивый, она их обхватывает руками». Ленты, как и коса, символизируют возрастной и социальный статус девушки, ее молодость и красоту. Прощаясь с беспечной жизнью в родительском доме, девичеством, невеста раздает ленты своим подругам, которые остаются незамужними. «Когда мать расплетет косу и уйдет, невеста и говорит: "Я возьму свою дивью красоту в свои да ручки белые, подниму свою да дивью красоту выше плеч да буйной головы, я раздам свою дивью красоту что по кумушкам да по подруженькам, пусть они еще покрасуются в моей дивьей красоте". Тарелку поднимает, раз поют». «Раздает невеста ленточки, и поют «Пошла моя да дивья красота по подружкам да по девушкам»». «После того, как она раздаст, она идет к матери, в ноги падает, тогда пропевают: «Не сомневайся, родима мамонька, сберегла свою дивью

красоту от ветра-ветра буйного...». Под венец невеста ехала с распущенными волосами. В традициях с. Курашим невесте, отправлявшейся под венец, принято было завивать кудри: «Одна старуха меня одевала да кудри завивала. Мне завили кудри, потом меня за стол посадили».

Вместе с расплетением косы (в других случаях — после расплетения) совершалось обряжение невесты. Невесту одевали подружки, либо кто-нибудь из старших родственников, при этом девушки пели песни-причитания. «На второй день с утра приходят ее подружки, начинают причитать. Она там одевается. Плачет, воет: "Ой, как буду звать свекровку мамонькой, ой, как буду звать свёкра тятенькой". Там ее начинают сряжать подружки: "Расчесала бы я головушку да качепатовым частым гребешком"».

Ой, снаряди-ко, родима мамонька...

(поют во время сборов невесты)

Ой, снаряди-ко, родима мамонька,

Во платье белое подвенечное.

Ой, на роду-ту батя не первые,

Ой, дивьей красоте во последние.

Ой, ты гора ли моя высокая,

Ой, стена моя белокаменна.

Ой, посмотри-ка, родима мамонька,

Ой, хорошо ли я снарядилася

Ой, во хорошее платье светлое,

Ой, платье светлое, подвенечное.

Ой, что во церкву-то ехати...

Ой, на роду-ту батя не первые,

Ой, дивьей красоте во последние.

«Это пели невесте, когда к венцу уже собирают ее подружки».

Во время обувания по сложившемуся обычаю невеста ударяла подруг своим богиночком. Вероятно, аналогично действиям в бане, удар означал передачу невестинной доли, предзнаменовывал будущее замужество: «А туфли у меня были на таком каблучке. Я уже не помню, что туфлями делали. Я взяла туфлю-то за это место. А тут девка

сидит, парням шьет ленточки со цветочками, пришивает. Она сидит, не подумат. Я выскочила, я ей коблуком раз, хлысь, хлысь по башке ее. Такая мода уж была». «Туфли начнет одевать, девчонки кругом сядут и одеялом закроют ее. Вот невеста одевает туфель и кого-нибудь стукнет. Девки над ней одеяло держат, садятся сами под одеяло, а она сидит сверху. Они ниче не думают. Она берет туфель и одному раз в голову ударяет, так здорово!»

Похожие действия повторялись за столом после обряжения: «Одна старуха меня одевала да кудри завивала. Мне завели кудри, потом меня за стол посадили. За стол садишца, сидишь, как изюмина, ни ногой, ни рукой не шевелишь. А подружки сядут напротив тебя. Руку уж на стол не ложь ни ты, ты тоже, например, не так, не эдак. А мне дадут ложку хорошую, большую. Если ты провинилась, что-то положила на стол, тебя по башке стукну, по руке. Подружек-то. Девки начинают выть песню. Мне-ка дали поднос какой-то, над им воешь, воешь, воешь. Сначала они ели, а потом я их ложкой-то хлестала, а потом они стали выть-то. Песня такая, вытьё называется. Чё уж, разревёшься на самом деле. Там как престолом провожают, с матерью надо проищаться. Закрывали платком. Тут дедушко где-то сидел. Я из-за стола выскочила, побежала к дедушке, на колени пала к ему и говорю: "Дедушка, прости ты меня Христа Христи". Слезы-те и обрушились. Чё, сироты всё были...».

Свадебный костюм

Во время девичника невеста ходила в лентах и в венке из восковых цветов: «Невеста все ходила ленточкам. Ленточки набирали, цветы. В цветах и ленточках ходила всю неделю». К свадьбе невеста шила платье светлого цвета: «Одевали, штапель был белый у меня. Тут у нас старуха шила». «Платье сами шили, желтое». «Платье было. Из-под венча приехала, голубое, шелковое надела». На голове у невесты после прощания с дивьей красотой оставались восковые цветы и одевалась фата — «уаль»: «У нас цветы делали шибко хорошо. В три ряда так восковые. На голове ленточки, сзади, шнурок делали. А венчались уже без ленточек». «У нас делали цветы. Там пару парафиновых свечек купить и тонкой проволоки

(бронзовую или медную), вату. Вот парафин растаял. Тут цветочки, лепесточки сделал из бумаги. А основание из проволоки. Всё это налепил». «Цветы, вуаль были». Восковой цветок прикалывался также к платью невесты. Жених по воспоминаниям жительниц села Курашим был одет обычно в белую рубашку и костюм: «В костюмах, пиджаках. Рубашка белая». «Жених в костюме чёрный, какой есть».

Приезд свадебного поезда к дому невесты

Утром в день свадьбы за невестой приезжал жених со своей свитой. Тысяцкий и дружки просили открыть ворота, чтобы въехать во двор. «Он стучит с витьём по дворам или по простенкам».

Открывайте широкие ворота,
Выставляйте подворотинки,
У нас у коней ноги коротеньки.
Да дайте сена до колена,
Да дайте овса до щеток.
Да пускайте добрых молодцев.

«Там встречают уже. Морозы были под сорок, так вот постой-ка там».

Девушки встречали гостей песней:

Ой, не было ветры

Ой, не было ветры, не было ветры,
Вдруг навеяло, вдруг навеяло.
Ой, не было гостей, не было гостей,
Да вдруг наехали, вдруг наехали.
Ой, полон двор, полон двор
Да вороных коней, вороных коней.
Ой, полные сени, полные сени
Удалых кучеров, молодых кучеров.
Ой, полное застолье, полное застолье
Дорогих гостей, дорогих гостей.
Ой, подновили, ой, подновили

Да сени новые, сени новые.
Ой, новые сени, новые сени
Да с калидорами, с калидорами.
Ой, растоптали, ой растоптали
Золотую чару, золотую чару.
Ой, растоптали, ой растоптали
Мушку жемчугу, мушку жемчугу.
Ой, выпустили, ой, выпустили
Соловья из сада, соловья из сада.
Да ой, вышла красна девица-душа,
Да ой, вышла красна девица-душа.
Да расплакалася, да расплакалася.
Да ешо кто мне построит сени новые,
Сени новые, кленовые, решетчатые.
Ой, кто мне поможет, кто мне поможет
Собрать золотую чару, золотую чару.
Ой, кто мне поможет, кто мне поможет
Собрать жемчугу, собрать жемчугу.
Ой, кто меня будет, кто меня будет
Вечерами веселить, вечерами веселить.
Ой, кто меня будет, кто меня будет
Поутру рано будить, поутру рано будить.
Кто меня будет, кто меня будет
Соловьём во саду, соловьём во саду.
Ой, кто мне заплетёт, кто мне заплетёт
Трубчатую косу, трубчатую косу.
Ой, кто мене вяжет, кто мене вяжет
Алу ленточку, алу ленточку.
Ой, выхвалился, выхвалился
Да удалой молодец, удалой молодец
(назвать имя).
Ой, не горюй, моя умная,
Да не горюй, моя разумная.
Да я построю тебе сени новые,
Да сени новые, кленовые.
Да я соберу тебе золотую чару.
Да я буду вечерами веселить.

Вечерами веселить, утрами будить.
Да я тебе, я тебе заплету рубчатую косу.
Да я только навешу алы ленточки...
Я буду вечерами веселить, утрами будить.

«Это пели жениху с невестой. Когда по ее приедут к венцу. Как к венцу приедут, много ведь было, это и поют...».

Зачин этой песни повторял зачин песни, что исполнялась гостям в обручение.

Подружки невесты по приезду дружек пришивали к одежде гостей банты: *«Мы пришивали ленточки — кто от жениха, кто от невесты. От невесты — на левой, от жениха — на правой пришивали ленточки».* *«Песню спеть и цветок пришить. Первые дружки приезжают, так вот дружкам сначала и пришивают цветы, а потом уже все...».*

Особым нарядом отличался и свадебный поезд. Украшение поезда — забота дружек: *«Где нашли сбрую добрую... А дружки, оне ее вычистят углем. На лошадь оденут, она поблёскиват вся. Аж выливается так вот. Не выливается, переливается. А шелкунцы были, с мала и до велика. Когда ей наденут на шею этот шелкунец-от, да если ешо маленько дадут, она головкой потряхиват, он набряхиват так...».* *«Такие красивые были дуги, широкие, в рисунках, хомут, шлея, всё это в таракашках бронзовых, всё это дружки начистят, ленточки. Кошевы очень красивые, коврами обделаны».* *«Привязывали тоже ленточки на коней. Куда сумеют, туда повесят, на дугу. Сбруя вся блестя».* Девушки делились с дружками своими лентами: *«Девка с тобой дружила, а ты в дружки попал, она тебе ленты навешат, на дугу, может на хвост привязать».*

Главным распорядителем на свадьбе является крестный жениха — **тысяцкий**. Он управлял свадебным поездом, распоряжался за столами, вместе со свахой укладывал в постель молодых. Его также называли **большим боярином**: *«Жених приезжает с крёстным, с большим боярином».* Тысяцкий имеет на свадьбе большой авторитет. Он должен уметь хорошо говорить и управлять всей свадебной процессией: *«Тысяцкий с дружками первый приезжал в свадьбу с плеткой. Плетка, там такая палочка, не знаю, из чего она была, а*

там ремень. Значит, какие-то порядки всё наводил. Как начнет говорить, говорить, говорить. “Здесь ли были слезы литы, здесь ли были вино лито? — Здесь, здесь, здесь”...». Большую роль на свадьбе играли также **свахи** — крестные невесты и жениха. Они участвовали в расплетении косы и укладке женской прически, находились всегда рядом со своими крестниками. Среди знакомых или родственников невесты выбиралась **постельная сваха**, которая отвечала за перевоз приданого невесты в дом жениха и подготовку брачной постели: *«Свахи-то постельные везут постель, и они, эти свахи, всё там делают с крестными...».*

Дружки или **шаферы** — друзья жениха. На свадьбе они помогали тысяцкому, отвечали за свадебный поезд, помогали жениху вывезти невесту из дома под венец: *«Дружки были, ребята приглашены были у жениха, они командовали конями».* *«Придут дружки. Начнут дружить, эти все слова какие-то говорить».* На второй день дружки были главными инициаторами шуток и испытательных заданий для молодых: *«А дружкам же надо выпить. Их так не поят. Они должны заработать выпивку себе. Они начинают: то залезут на крышу, трубу заткнут, то разберут трубу, то баню топят».*

Среди подруг невесты выбиралась **казначей**, которая собирала деньги за величания, которые девушки пели гостям: *«Казначей — главная подружка невесты, задушевная, с которой она делилась всем. Вот она ее выбирает, казначеем назначает. Деньги если не украдет, значит, плохой казначей. А украдет, значит, хороший казначей, и чтоб они не видели. Смотря еще сколько денег будет».*

Дружек не сразу пускали в дом, с них требовали выкуп: *«По невесту едут, тоже не пускает сватья — калач давай».* Затем требуют выкуп за то, чтобы войти в дом, сесть за стол: *«Каждую ступеньку надо было выкупить жениху».* *«Мальчишек ставят маленьких, место выкупать за столом».* В Курашине существовал обычай бросать выкуп-каравай девушкам через грядку — полку, идущую от печи к противоположной стене: *«Через грядки бросали они им выкуп, кто калач, или крендели, что угодно бросали».* *«Привозят каравай хлеба. Тогда грядки были на кухне. Бросат девкам: нате, ешьте».*

Когда все гости садились за стол, дружки просили вывести невесту к жениху. Невесту выводил старший в семье — отец, дед или

крестный: *«Выводил меня дедушка. Раньше или мать, или отец выводят. А тут меня дедушка вывел. За руки вывел и ему в руки и передал». «Отец выводит, если есть. А если отца нет, или крестный, или мать. За платок. За руку и за платочек, передает ее парню».*

Девушки во время вывода невесты пели:

Ой, я не выйду, не выступлю...

Ой, я не выйду, не выступлю,
Ой, я без тятеньки без родимого,
Ой, я без мамоньки без родимой.
Ой, я ешо ступень ступила,
Ой, обронила дивью красоту.
Ой, я ешо ступень ступила,
Ой, обронила негу мамину.
Ой, я ешо ступень ступила,
Ой, обронила дивью красоту,
Ой, на роду да не первые.
Ой, что не первые, во последние.
«Это выводят невесту, отец выводил раньше. За невестой уж приедут, сядут за стол».

Не дивуйтесь, вуточки

(песня при выводе невесты к жениху)

Не дивуйтесь, вуточки, не дивуйтесь, сырые.
Не сама своей волёю, не сама, своей волёю,
Не своею охотою, не своею охотою.
Выводил сударь батюшка, выводил сударь-батюшка.
Среди лугу зеленого, среди луга зеленого.
Становил сударь-батюшка, становил сударь-батюшка
Среди полу дубового, среди полу дубового.
Отдавал сударь-батюшка, отдавал сударь-батюшка
Князьям, боярам на время, князьям, боярам на время.
Александр-ту на руки, Александр-ту на руки,
Да Иванычу на веки, да Иванычу на веки.
Воспоить-скормить желаю, воспоить-скормить желаю

Свою милую ладушку, свою милую ладушку,
Душу красну девицу, душу красную девицу,
Свет Полину Васильевну, свет Полину Васильевну.

«Выходит Дмитрий Иванович со стола, забирает невесту от отца, садит за стол».

После вывода невесты, начинали величание всех свадебжан: *«За стол сели, тогда начинают большому крестному петь «Большой, большой тысячкой», потом большому боярину, крестные».* Особенностью исполнения величальных песен в день свадьбы было то, что в этот день отдельными песнями уже не величали жениха и невесту.

Большой, большой тысячкой...

(крестному жениху)

Большой, большой тысячкой
Да и Дмитрей Иванович, да и Дмитрей Иванович.
Ты подвинься, тысячкой,
До переднего углу, до переднего углу.
Над тобою, тысячкой, над тобою, тысячкой,
Стоит Спаса Пречестная, стоит Спаса Пречестная,
Пресвятая Богородица, Пресвятая Богородица.
Да ни колосом, ни властью, ни колосом, ни властью
Государь *(величают)*, государь *(величают)*.
Да не колосом милует, да не колосом милует,
Государь сам сужелует, государь сам сужелует
Свою милую ладушку, свою милую ладушку
Свет и Нину Александровну да большому боярину.

У большого боярина

У большого боярина
Голова учесана, голова учесана,
Да шелка улизана, да шелка улизана,
У Александра Степановича, Александра Степаныча.

Учесала головушку, учесала головушку
Своя милая ладушка, своя ладушка
Свет Мария Александровна,
Свет Мария Александровна...

Ой, да сосенка зелененька, зелененька
(величальная жениховой свахе)

Ой, да сосенка зелененька, зелененька.
У Александра жена хорошенька, молоденька.
У Васильича хорошенька, хорошенька.
Ровно куколка увитая, увитая,
Ровно ягодка наливная, наливная.
Еще он ее зовет королевна, королевна,
Свет Мария душа королевна, королевна,
Аркадьевна королевна, королевна.
Она его зовет королевич, королевич,
Александр господин королевич, королевич,
Васильевич королевич, королевич.
Стоял терем, верха украшал, верх-от вызолочен,
Со новой кроватью, со тесовою,
Со мягкой перины, со пуховою.
Перина в сголовья не рознится,
Одеяло в ноги не катится.
Как на этой на перине лежит ясный сокол,
Ой, удалой молодец,
Ой, свет Александр Васильевич-от.
Перепелица его молодая жена,
Ой, свет же Мария Аркадьевна!
С песенкой, Мария Аркадьевна!

«Поют, все за столом притапывают, веселятся. Деньги платят».

Невестина сваха княгиня, да княгиня...
(величальная невестиной свахе)

Невестина сваха княгиня, да княгиня.
Она три года брусья белила, да белила,
На камешке колотила, колотила,
На Дунай речке полоскала, полоскала.
Еще будьте-ко брусья беленьки, да беленьки.
Уж вы будьте-ко брусья хорошеньки, хорошеньки.
За Марией-то свахи ехать, свахи ехать,
За Аркадьевой во княжие, во княжие.
Стоял терем, верха украшал, верх-от вызолочен,
Со новой кроватью, со тесовою,
Со мягкой периной, со пуховою.
Перина в сголовья не рознится,
Одеяло на ноги не катится.
Как на этой на перине лежит ясный сокол,
Удалой молодец,
Ой, свет Александр-от Васильевич,
Перепелица его молодая жена,
Ой, свет же Мария Аркадьевна.

Ой, свечки-сandalьчики ясно горят
(песня свадебная мужчине)

Ой, свечки-сandalьчики ясно горят,
Ой, ясно горят, часто вспыхивают,
Ой, белого воска не узревают,
Машенька с-по горенке спыхивает,
Аркадьевна с-по новенькой спогуливает.
Нянюшек-манюшек спать укладывают.
Ой, нянюшки-манюшки, ложитесь спать.
Ой, лёжтесь спать, вам некого ждать.
Ой, мне же молодешеньке всю ночь не сыпать.
Ой, всю ночь не сыпать, дружка милого ждать,
Ой, свет Александра Васильича.
Ой, мне из-за лесу соколик вылетал.

Ой, мне из-за гор ли молодчик выезжал.
 Ой, нас своим на добром коне.
 Ой, на своем на шитом ковре.
 Ой, конь-от под ним ровно лютый зверь.
 Ой, голову несет боболём, боболём.
 Ой, шею несет колесом, колесом.
 Ой, хвост-от несёт золотою трубой.
 Ой, с-по улицы едет, тут и кланяется.
 Ой, к дому подъезжат, его мамонька встречат.
 Ой, мамонька встречат, милым сыном называют.
 Ой, в горенку заходит, жена спрашивает:
 Ой, где же ты, душечка, был-спобывал?
 Ой, был я у тестя у ласкового,
 Ой, был я у тещи у приветливые.
 Ой, был я у шурина ясного сокола.
 Ой, был я у своячины голубушки.
 Ой, чем тебя душечка тещь-от дарил?
 Ой, тещь-от дарил меня столичным табаком.
 Ой, теща дарила меня да житьем да бытьем.
 Ой, шурин-барин дарил меня вороным конем.
 Ой, своячина дарила вышитым ковром,
 Ой, ты же моя душечка ласковым словам.
 Ой, свет же Марии Аркадьевне,
 Ой, свет разудалу добру молодцу,
 Ой, свет разудалу Александру Васильевичу.
С песенкой, Александр Васильевич!

Ешо с-по сеням-сенечкам
(неженатому парню)

Ешо с-по сеням-сенечкам,
 Да с-по новым сеням, решетчатым,
 Да тут ходил, гулял удалый молодец.
 Да, он срывал с розы розовый цветок,
 Да он садился под ракитовый кусток.
 Да он цветочку любитс-я,
 Да красоте своей дивуетс-я.
 Да этот цветичек нежен и хорош.

Еще с-по-сеням, сенечкам...
(величальная замужней женщине)

Еще с-по -сеням, сенечкам, да еще с-по сеням,
 сенечкам,
 Да с-по новым сеням, решетчатым, да с-по новым
 сеням решетчатым,
 Да тут и ходила, гуляла, да тут и ходила, гуляла
 Молодая жена-бояровна, молода жена-бояровна,
 Свет и Нина Александровна, свет и Нина
 Александровна.
 Во руках она носила, да во руках она носила
 Два-те камня, два яхманца, два-те камня, два яхманца,
 Два наливчаты яблочка, да два наливчаты яблочка,
 Да два обманные зернышка, да два обманные
 зернышка.
 Уж вы камни, вы камешки, да уж вы камни, вы
 камешки,
 Два наливчатых яблочка, да два наливчатых яблочка,
 Два обманные зернышка, два обманные зернышка,
 Полежите-ка малёшенько, полежите-ка малёшенько
 Для меня да младёшеньки, для меня для младёшеньки.
 Я схожу недалёшенько, я схожу недалёшенько,
 Да я до новья горницы, да я до новые горницы,
 Да я до светлые светлицы, да я до светлые светлицы,
 Да до кровати до тесовые, да до кровати до тесовые,
 До перины до пуховые, да до перины до пуховые,
 До своей милой ладушки, до своей милой ладушки,
 Свет Дмитрий Ивановича, свет Дмитрий Ивановича.
 Уж ты встань, пробудись, молодец, уж ты встань,
 пробудись, молодец,
 Да пробудися мила ладушка, да пробудися мила
 ладушка,
 Да оторвался сивый добрый конь, да оторвался сивый
 добрый конь
 От столба, столба дубовинького, да от столба, столба
 дубовинького,

Да от колесика серебряного, да от колесика
 серебряного,
 От другого позолоченного, да от другого
 позолоченного,
 Он сломал наш железный тын, да он сломал наш
 железный тын,
 Он стоптал наши зеленые сады, он стоптал наши
 зеленые сады,
 Да сад со калиной, со малиною, да сад со калиной, со
 малиною,
 С черной ягодой смородиною, да с черной ягодой
 смородиною.
 Да ты не плачь, моя умная, ты не плачь, моя умная,
 Не горюй, моя разумная, да не горюй, моя разумная.
 Я построю железный тын, я построю железный тын,
 Я поеду во Китай-город гулять, я поеду во Китай-город
 гулять,
 Да я куплю тебе зеленые сады, да я куплю тебе зеленые
 сады,
 Да сад со калиной, со малиною, да сад со калиной, со
 малиною,
 Да с черной ягодой смородиною, да с черной ягодой
 смородиною,
 Да молодой жене-бояроне, свет молодой жене-бояроне,
 Свет Нине Александровне, свет Нине Александровне.
 Свет разудалу добру молодцу, свет разудалу добру
 молодцу,
 Свет Дмитрию Ивановичу, свет Дмитрию Ивановичу.
«Тут еще пропеть детей...».

Что же ты гусеня, что же ты сера...

(величальная вдове)

Что же ты гусеня, что же ты сера,
 Я една на воде, да една на всде.
 Право, не една, право, не една,
 Видит Бог, не одна, видит Бог, не одна.

Много со мною, много со мною
 Да гусей-лебедей, да гусей-лебедей.
 Только нет со мной, только нет со мной
 Серого селезня, серого селезня.
 Что же ты вдовица, что же ты млада
 Да одна во пиру, да одна во пиру.
 Право, не една, право, не една,
 Видит Бог, не одна, видит Бог, не одна.
 Много со мною, много со мною
 Да князей и бояр, да князей и бояр.
 Только нет со мной, только нет со мной
 Милой ладушки, милой ладушки.
 Еще есть со мной, еще есть со мной
 Да и милая дочь, да и милая дочь,
 Свет Ирина-то, свет Ирина-то
 Да Ивановна, да Ивановна.
 Еще есть у ней, еще есть у ней
 Да и милая дочь, да и милая дочь,
 Валентина-то, Валентина-то
 Да Ивановна, да Ивановна.
 Еще есть у ней, еще есть у ней
 Да и милая дочь, да и милая дочь,
 Свет Тамара-то, свет Тамара-то
 Да Ивановна, да Ивановна.
 Еще есть у ней, еще есть у ней
 Да и милая дочь, да и милая дочь,
 Свет Галина-та, свет Галина-то
 Да Ивановна, да Ивановна.
 Молодой жене, молодой жене,
 Да бояроне, да бояроне,
 Свет Лизавете-то, Лизавете-то
 Да Васильевне, да Васильевне.

Особым образом тысяцкий во время обеда должен был нарезать
 пирог за столом: *«Кресный-тысяцкий, лежит пирог на столе, чтобы
 он его разрезал на кусочки, чтобы он его не шевелил с места. Корочку
 кругом так срезают. Он придерживает и режет. Тут же девчонки
 поют: "Не дивуйтесь виточки, ни дивуйтесь дары, не сама своей
 волею"».*

Пение песен и обед продолжались до тех пор, пока дружки не найдут спрятанный девушками горшок с кашей. Подружки невесты старались так ухитриться, чтобы поиски затянулись надолго. За песни они собирают в это время плату с гостей. *«Невесту не отдают до тех пор, пока дружки не отдадут кашу. А какая-нибудь дуруха возьмёт (раньше же гамаш не было, панталоны, а есть бабы отчаянные), она возьмет себе, раз – в штаны. А не каждый парень согласится ей в штаны лезти. Ииши! А она ходит, трясёт: “Ииши!” Юбки широкие. “Ииши! Ииши! Рядом ходишь! Ииши!”».*

«Кто-то подсказывает: “Горячо”. Везде, и в голбец лазают. Говорят: “Холодно, холодно, холодно!”; Какой-нибудь старухе под подол спрячут горшок или кастрюльку с кашей, вот и походи, поишиши. Если кто догадливый, он сразу: “А ну-ка ты, бабушка, встань-ка”, – значит, эту кашу найдет».

«Пока не найдут кашу, они выкупают невесту. Там кто или связку кренделей бросит раньше, кто конфет или деньги отдают, кто отдает шампанское, кто водку подаст, кто что. Но девчонкам-то всё больше орехи, печенья, вот раньше так».

«Девки кашу спрятают. Как придут, сразу стараются кашу найти. Кашу найдут, ставят на стол. Потом все уезжают на конях. Иногда долго не найдут. Так долго сидят за столом. Ждут, пока кашу не принесли».

Как только каша будет найдена, дружки ставили горшок на стол, все гости втыкали в кашу свои ложки, выходили из-за стола и собирались к поездке в церковь. *«Оне найдут кашу и поставят на стол, и все ложки в кашу отпускают. И всё, никакого угощения не будет. Угощения уже не будет никакого. Это было забота дружек. Скорее кашу найдут, скорее выходят. Кашу на стол поставят, все пошли одеваться, пошли в церкву».* *«Кашу дружки нашли, на стол ставят и всё. Ложки в кашу все свадебьяна, всё, невесту выводят из-за стола».*

Перед отъездом мать и отец благословляли свою дочь, желали ей счастья в будущем замужестве: *«Когда из-за стола отец, мать встают с иконой, благословляют».* *«Иконой благословляют над головой... Поцелуешь, перекрестишь икону. Когда поехали, меня дома одну благословляли. А когда венчались, обоих благословляли. Его дома благословляли».*

Ой, перед Господом я стою...

(поют перед отъездом в церковь перед и после родительского благословения)

Ой, перед Господу я стою,
Ой, Божьей милости я прошу:
Ой, благослови родимой тятенька,
Ой, что во Божьи да церкви ехати,
Ой, что закон да Божий принять.
Ой, перед Господу я стою,
Ой, Божьей милости я прошу.
Ой, перед маменькой я стою.
Ой, благослови-ка родима мамонька
Ой, что во Божьи да церкви да ехати,
Ой, что законы да Божий принять.
«Благословляют отец с матерью».
Ой, я еще-то поклон положу,
Ой, я за братчика за родимова.
Ой, я еще-то да поклон положу,
Ой, я за мамоньку за родимую.
Ой, я еще-то поклон да положу,
Ой, я за братчика, за родимова.
Ой, я еще-то поклон да положу,
Ой, я за сестрицу за родимую.
Ой, я еще-то да поклон положу,
Ой, за подружек-подруженёк.
Ой, я еще-то да поклон положу,
Ой, за свою да дивью красоту.

Оставайся, нов, высок терем...

(«Как они уже выходят, одеваются, когда начинают выходить, тогда поют еще»)

Ой, оставайся да нов-высок терем,
Ой, со тоскою да со кручиною.
Ой, оставайся милая сестрица,
Ой, поливай-ко сады зелёные.
«Выходят и садятся. Поезд называется, как садятся».

Поезд собирали жениховы дружки: «Дружка на первом коне впереди, первый самый. Встаёт, три раза «Исусову» молитву говорит.

Все ли сели, всё ли взяли?
Все ли сели по местам,
Как ясные соколы по гнёздам?
(Начинает с свадебьян)
Что ко Божью церковь ехать,
Что законы Бога принять молодым (ну, жениху, невесте).

К венчанию в церкви жених и невеста ехали не в одних санях: «Сначала жених ехал на одной лошади. Три лошади было. Невеста с крёстным едет». По ходу поезда участники примечали, как проходит поездка. Если на пути появлялись преграды, нарушалось движение, это считалось плохим знаком: «Я знаю примету. Меня везли, сюда повернули, на повороте лошадь выпрыглась. Друг вез меня, я его отругал и сказал: “Всё равно жить с бабой не буду”».

Венчание

Венчание как один из обязательных атрибутов свадебного обряда был обставлен разными ритуалами, с ним связано много примет и представлений. К венчанию всегда относились почтительно, так как только венчанный брак считался законным: «Пойдешь замуж, обязательно венчайся. Это очень хорошо — венчаться, дети будут законные».

Наиболее благоприятным днем для венчания, как и проведения свадьбы, считали воскресенье: «В воскресенье свадьба. Большие по воскресеньям венчают. Но там дни ешо есть, но в такие дни пошто не венчались». В церковь с собой брали иконы, которыми благословляли молодых, одну из икон давали родители жениха, другую — невесты. Во время венчания иконы находились в церкви: «Готовили две иконы. Или жених покупал, или невеста. Или покупали, или готовые были. Надо жениху и невесте венчальные иконы. Хоть какие. Кто побогаче, у того побогаче иконы — в окладе и под стеклом.

Их берут ведь с собой. Хрёстный у жениха-то, там их ставят. Отдают, эти иконы ставят в церкви. Когда венчают, они стоят в церкви. Из церкви выходят, несет тысячкой, как обвенчают уж. Домой привозят. Потом привезут, дома висят они».

Молодые, заходя в церковь, строго следовали ритуалу: «Когда заходят в церковь, молодые кланяются в пояс. Пошли, разделись в сторожке. Когда уже выходят на круг, тогда батюшко открывает царские ворота. Когда венчают, жених с невестой три поклона ложат в землю еще у порога. В церкви обязательно в землю три поклона, когда заходят в церковь, когда батюшка открывает царские ворота, далеко еще не провели их. Приходит священник, забирает у них кольца, кольца и свечки. Идет, освящает. Начинают венчать, когда он проводит тут, где идет панакодило, напой, они подходят, кресна невесты стелет типа коврика, чтобы они на голый пол не вставали. Батюшко подает им кольца и свечки. Зажигают...». В особом порядке выстраивались и свадебжана, участвовавшие в венчании: «Возле невесты — хресна. Там много сватовей стоят. Возле жениха его родня, хресна, за мной тоже хресна стояла, да еще тутю вторая что ли. А остальные уж стоят полукругом...».

На венчание в церковь ехали и подружки невесты, которые сидели на девешнике и готовили свадьбу, однако девушкам было принято уходить раньше, нежели всем гостям:

«Когда венчают, венцы на невесту с женихом оденут, снимут, девки с круга уходят. Когда венчают, дак они по кругу стоят. Полукруг такой. Остальные остаются. Ждут всё, когда венцы снимут там, обведут их, жениха с невестой. Поп их кругом обведет, к каждой к иконе поклонятся. А раз уж венцы одели на невесту, всё, она уж не ваша, девки уходят». «Они только в церкви так, чтоб был широкий круг. А девушки все едут с невестой. Это называется “на кругу стоят”. Свахи там, тысецкий, боярин, кресна невесты, жениха. С невестиной стороны тоже свахи там много. И там круг такой большой, девушки все стоят ее. Как вот только, когда она ленточку положит, уходят. Когда ленточку положила, Евангелие прочитали, круг аналая провели, венцы сняли, она тогда девушкам поклонится, невеста, и девушки уходят. Уходят, идут кашу доедать. Кто-то остаётся, провожают. Если не в своей деревне, дак остаются, провожают, пока не увенчаются, пока не уйдут. А если в

своей деревне, так девушки идут кашу доедать, а потом идут смотреть к жениху».

Во время венчания наблюдали, кто первый, жених или невеста, встанут на ковер, на котором они будут стоять при венчании - так смотрели, кто будет «править» в доме: «Знаю, что поп идет, когда батюшка, где он стоит на коврике, кто вперед встанет, тот и хозяин в доме будет. Вот примета была. Откуда я знаю, правда или неправда? Или жених торопится быстрее встать, или невеста. Стоишь да глазеешь, народу множество, со всех концов». «Венчаются, дак тоже коврики стелют кресны под ноги. Мне муж всё говорил: вот ты всё командуешь, всё меня сталкивала; я ведь понял, что ты меня сталкиваешь всё, чтоб я на краешке стоял, а ты по самому, по середине, - говорит - встала». Невесте предписывали во время венчания обратить на себя внимание жениха: «Когда будут венчаться, венцы оденут, ты его ткни, чтобы он на тебя посмотрел, ты на его, чтобы жили хорошо...». Во время венчания жениху с невестой следовало понаблюдать, какими, легкими или тяжелыми покажутся венцы, считали, что такова и будет жизнь в браке: «Когда венец одевают, говорят, замечайте, какой венец. Если тяжелый, то тяжелая жизнь будет. А мне венец надели. А раньше старуха цветы-то плела. Проволока кругом. То ли она плохо обмотала, то ли венец такой был? Наверно, венец такой был. Как мне венец одели, мне эта проволока вся вкруговую и впила. Так кажется мне, что это венец. Раз так говорят, значит, венец тяжелый. А может быть проволока на самом деле. Я и жизни не видала никакой. И с детства не видала, и сейчас никакой не вижу». «Под венцом» смотрели, как горят свечи у жениха и невесты: «Потом, когда венчались, свечки меряли опять. У него вот на столечко свечка-то. А он говорит: "Вот я ведь вперед умру, у меня ведь короче свечка-то". Так и получилось». «Венчались, вот свечки венчальные. У него свечка почти вся сгорела, а у меня целая. Вот я всё еще трясуся, а его уж нету двенадцать. Моложе меня еще был. Оставил меня...».

Много примет и поверий было связано с ленточкой, которую невеста во время венчания должна была положить в Евангелие: «Евангелие читат. Девочка замуж ведь идет, к другим родителям... Свою честь показывают у нее ленточка. В Евангелие ложат красоту. Которая в руках была, ту и положишь. Батюшко открывает

Евангелие, невеста должна положить ленточку». Во время венчания наблюдали, положила ли невеста ленту: «В Евангелие хорошую ленточку. И смотрит, положит ли она ленточку. Раз положила - девка хорошая. А не положила, так стыдился тут». Важно было и то, какого цвета ленту невеста клала в Евангелие: «Она сама себя не будет подводить, что она не девка, если она ложит синюю, народу знаешь сколько ходит смотреть-то. Надо красную». В других случаях девушка старалась под любым предлогом не оставлять ленту в Евангелие, она передавала ее подружке, повязывала себе на пояс, иногда уже после свадьбы «выкупала», просила убрать ленту из книги: «Она положила, если она не девка, она ее должна выкупать после всех процедур, может на другой день, может кому-то наказать из своих подружек выкупить». К этому свадебному ритуалу относились очень серьезно, так как считали, что от этого зависит не только будущий брак, но и здоровье невесты: «Если нечестная девушка выходила замуж, она встаёт, когда ленту надо положить в Евангелие, она перекрестится, всё, поцелует её вот так. Подойдёт к Евангелию, поцелует его. Возьмёт вот так, на себя пояс завяжет и всё. На себя тут же пояс завязывает. А другая, значит, берет эту ленту в Евангель, но она нечестная. А наутро её уже поп убирает там, батюшко убирает. Потому что, он говорит, она делается какая-то сырая в Евангелие, эта лента. У нас был знакомый батюшка, так вот он рассказывал. Я, говорит, как только на другой день открываю Евангель, лента как бы отсырена лежит. Я, говорит, сразу убираю. А невесты есть такие, которые вот сегодня положили, а уже там на завтра они или на послезавтра идут уже выкупают эту ленту у батюшки. То, что они не хотели сами себя опозорить».

Как внутри церкви, так и в церковной ограде собиралось достаточно много народу, чтобы посмотреть свадьбу: «В церковь пускали, как не пускали. Свадьба-то начнётся, так только в церковь лезешь поглядеть. А домой-то, тут гостей полно, не пойдешь ведь смотреть». После того, как свадьба вышла с венчания, и все расселись по кошечкам, старший дружка трижды произносил «Иисусову» молитву и обращался ко всем с наговором:

Все ли сели, всё ли взяли?
Все ли сели по местам,
Как ясные соколы по гнездам.
Старые старики – седые бороды,
Старые старухи – худые заплаты,
Маленькие мальчишки – сопливые кулачишки,
К нам на пир молодых,
Молодафью поздравлять, пиво пить...

В дом жениха невеста уже ехала вместе с женихом в одной кошевке.

В селе Курашим, со сложным конфессиональным составом населения, венчание проводили и православные, и единоверцы. Старообрядцы поморского и часовенного согласий брак «сводили» по-другому: *«Мы поморские, у нас по-другому. У нас без обычая. Кому надо, в любое время венчаются. Сядут на диван да молитву прочитают...»*. В случае брака православного со старообрядцами, венчания во время свадьбы могли и не проводить. Венчаться могли позднее, в случае перехода одного из супругов в веру другого супруга, хотя каждый мог так и оставаться в своей вере. Переход одного из супругов к другой вере обычно называли «согласием»: *«Раньше по одной вере ходили. А потом другая вера, так какое там венчание. Потом будет согласие, окрестится жених, или окрестится невеста, когда будут в одной вере, тогда венчают. Раньше было, когда по одной вере ходили, но мы это не застали. Знаю, что папа с мамой венчались уже поздно-поздно. Вначале ранней веры были, потом мама перекрещалась. Она была церковная...»*. В некоторых случаях невеста переходила в веру жениха, и венчание или сведение брака совершалось «по одной вере»: *«Мама-то была сначала церковная. Она за отца-то пошла, так ее крестили по нашей вере»*.

В доме жениха. Встреча молодых

После венчания из церкви свадебный поезд не сразу отправлялся в дом жениха. В с. Курашим после церкви, а позднее, после регистрации брака, было принято кататься *«на долгий век»*, *«за долгим веком»*: *«Из церкви поехали, говорят: надо поехать под*

долгий век, – по улице катались». *«После венца ехали, катались на конях, в лес съездили, туда съездили, сюда. Туда съездили, сюда, по долгий век. Я долго и живу... Долго будешь ездить – долго будешь жить»*. *«Потом приехали сюда, поехали сразу за долгим веком. Я смотрю, надо право повернуть, повернул налево. За долгим веком. Это что еще за долгий век? До обозного, до пруда. Едем обратно. Говорю, что-то короткий больно век-от мне дали»*. *«Мы сначала по долгий век съездили, потом домой. На лошадях катались с ленточками. Дружки есть, выступают, едут, наговаривают всякое, как жить-то...»*.

Только после катания по улицам села и окрестностям «на долгий век» свадебный поезд отправлялся в дом жениха. Молодоженов *«у жениха встречает отец, мать жениха, с хлебом, солью»*. По тому, как откусывали каравай жених и невеста, смотрели, кто из них будет верховодить в доме: *«Потом к жениху приехали. Родители – отец и мать встречали. По стопочке вина подавали, хлеб кусали. Тогда шибко тяжело с хлебом было. Больше откусишь, чтобы больше твоя как воля была...»*. *«Родители встречают с каравайком. Откусывай. Сколь ты откусишь: много ли, мало ли? Кусай больше, живи богаче. Кто больше откусит, тот будет хозяин в доме»*. *«Одновременно ведь. Сколько пасть открывалась, хватали»*. Считалось, что хлеб, которым встречали молодых, обладал магическими свойствами: *«Раньше овечек держали, говорили, что овечкам его надо было скормить, чтобы овечки велись»*. В других случаях свадебный каравай или откушенный кусочек просто хранили: *«У меня до сих пор хлеб лежит. Только не с кем его делить. Другой раз с кем-то бы посоветовался со своим-то бы. Кто говорит, что съесть надо сразу, а мне сказали – я в платочек, раз, раз. Может, какую-то крошку проглотила. С собой положила. До сих пор в ящике лежит, подсушила. Не знаю, что с ним делать»*. В некоторых случаях перед молодыми по приезду в дом жениха расстилали половики: *«Под ноги прямо у ворот стелют. Ну, щас-то дорожки все стелют. А раньше стлали половики - дорожки такие вот. Прямо так. Жених невесту, щас-то все на руки берут, а раньше так они шли по этим дорожкам, раньше не брали на руки»*. В доме жениха по приезду из церкви родители жениха так же, как и в доме невесты, благословляли молодых. Гостей, пришедших на свадебный пир в дом жениха, также

принято было встречать с угощением: «Когда из церкви идешь сюда к жениху, тебя встречают, гостей по стопке встречали. А раньше не было стопки, брага была, со стаканом встречали».

Сразу по приезду молодых в дом жениха в курашимской традиции было принято подавать чай: «К жениху привезли, за стол, сразу за чай. Чай попили. Сначала они чай пьют, все гости...». После чая невесте начинали «завивать» прическу: «Потом кудфу завивали сзади. Одну косу шилями крепили. Женихова крестна заплетат. Такие просто волосы, не в косе». «К жениху когда привозят из-под венца, и потом невесту переодевают. Снимают венец, цветы. Снимают венчальное платье. А косы-то здесь не заплетают, а так, култышину делают. Вот здесь на затылке была култышечка такая вот, так вот завивали ее. Шилями вот. Кресна заплетает. Когда снимали фату, снимали цветы, и тут она и переодевала платье...». Свадебный венок также было принято хранить долгие годы: «Свадебный венок невеста должна сохранить у себя. Если икона есть, в икону. В икону вставляют. Если она честная, то это в икону и свечки обязательно тоже в икону, в икону же, под стекло».

Наши информаторы вспоминали только со слов своих мам и бабушек, что в прошлом молодухе две свахи, невестина и женихова, после венчания плели две косы: «А у нас мама всё говорила, вот уже мне крёсна наплела долгую жизнь. А раньше тоже, значит, хрёсна жениха, хрёсна невесты, когда она переодевалась после венца. И говорит, пришла, одна плетет одну косу, вторая – другую. У жениха: ну скорей, скорей – вроде как власть захватить мужа, чтобы жена была подчиненная. А моя кресна говорит, говорит, вот и плетет, вот и плетет, и наплела мне долгий век. Не то, что там хозяйничает, а говорит, наплела мне долгий век, вот что она мне наплела. Сестра старшая мамина, она, говорит, плела. И вот она всё говорила, что вот уж мне крёсна наплела долгую жизнь. Ну, а эта быстро наплела, что вроде волю-то взять. А его чё, немножко позже ли, в эту германскую взяли и всё, и он не вернулся с той германской».

Когда была переодета невеста, в доме жениха накрывали «большие столы»: «Невесту переодевали, ее переодели, она уже стала молодухой. Потом накрывается большой стол. Тогда уже всё, гуляют...». При рассаживании за столы во время свадебного пира соблюдался особый порядок: «Начали все за стол садиться.

Первыми – жених с невестой. От невесты в этой стороне сидят невестины. От жениха – в ту сторону. Раньше ведь это соблюдали...». «В доме тоже сажают, по ту сторону, у невесты своя родня, у жениха своя родня – по разным сторонам садятся. Дружки, они всё делают. Тысячкой, хрёсной, готовят всё, поздравляют. Поздравляют сперва его сторону, потом невесты сторону поздравляют с законным браком. Молодых, их поздравляет. Все вместе за стол садятся, только по разные стороны...».

После столов невесту с женихом отводили спать крестный и крестная. Постель для молодых стелили в чулане дома, в соседней избе, либо в хозяйственных постройках. А в доме продолжали гулять гости: «Их в постель отправляли спать крестные. Они отводили». «В Октябскую у нас была свадьба, в чулан положили». «Они дома-то не спят, большинство-то уводят. Тут всю ночь гуляют так. Куда место себе найдут. Где место есть, кто его знает. Раньше были сохладни да что да. Это сохи делали раньше в Курашине, мастерская, вот там кровать поставят. Или в чулан, или куда. Где место есть». В обувь жениха крестные заранее клали монеты. Молодая должна была разуть своего мужа и собрать деньги. Забрав деньги, невеста отдавала свою волю жениху: «Наложили моёму дорожному в ботинки денег. Молодой дак молодой. Крестный – сват, там еще кака-то сваха с ним пришла. Давайте, говорит, разувайтесь. Дорогой мой ботинки-то снял, а деньги-то посыпались. “Да собирай ты скорей!” А че делать-то было? Я давай собирать. Хожу, стараюсь, чуть не на коленках собираю деньги: “Денежки-то собрала?” – “Что я отвечу?” – “Забрала. – П. да.. ку продала?” “А жениху ложили деньги в туфель или ботинок. Невеста когда будет с него ботинки снимать или туфли, там деньги, она возьмет деньги-то. А тут кресна стоит, говорит: “Ты денежки-то взяла?” – “Взяла”. – “Волюшку-то продала?” – “Продала”. И птичек каких-то делали на кроватях им. Они придут, а там птичка у них нарисованная. Рисовали им, когда они спать-то ложились, чё-то аист чтоб принес им. Или куклу туда ложили, или яйца клали, что аист детей принесет. Чтоб сразу-то не ложились, хоть потрогали».

Обычаи с приданым

Целый комплекс свадебных обычаев был связан с невестиним приданым. Приданое привозили в дом жениха после отъезда невесты из родительского дома в первый день свадьбы. Одни информаторы отмечают, что приданое привозила особая невестина постельная сваха: *«Поедут венчаться. В это время постельная сваха приезжает, привозит сундук, всё придано. Како придано, как сделано. Всё сами делали. Девочки всё делали, сваха всё развешивает, всё-всё делает»/ «Приданое привозили. Сваха была. Постельное, яшишк, встречают ее сразу с вином. Вот мы бегали, свадьбу смотрели. Потом побежим приданое смотреть. Привозят сваха, они пока венчаются, сваха приезжает, сундук привозит, все твои тряпки вешат. Всё это было приготовлено невестой. Всё ткала и вышивала».* В других случаях перевозом приданого занимались дружки, в этом варианте шуткам и проказам дружек, как вспоминают информаторы, не было предела: *«Когда невесту увозят в церковь венчаться, дружка едет к невесте домой за приданым. Большие сундуки. Он полный, набитый: полотенца, скатерки, то, другое, наволочки, простыни. Раньше еще было самотканое. Филейки вязали сами, как сетка, как тюль. Я сама умею вязать, вышивать филейки. Такие старинные пояса широкие, там разные нитки. Такие пята делаешь, метр восемьдесят, натягиваешь на пята и иголкой. Выносишь из дому, прямо в двери в косяк упираешь. "Не идет!" - кричишь. Им надо, чтоб подать, выпить, дружки должны заработать. Ко вторым дверям подошли, уперли: "Не идет!" Раньше водки не было, брага. Кругжку браги подадут. К третьим дверям пошли (из избы, скажем, в сенки и на улицу), вот три стакана уже опростали. Туда в дом к жениху приехали, опять: "Не идет". Ко вторым дверям подошли, опять не идет, к третьим - опять не идет. И всё, готово дело».*

Обычно вечером этого же дня, реже утром второго дня свадьбы невеста развешивала и показывала свое приданое: *«Встретили, за стол посадили, давай брагу пить. Кто чё. А потом стали приданое вешать. Раньше надо было приданое вешать. Вечером приданое вешают. Смотрят, какая невеста приехала, богата ли, бедна ли».* Невеста обязательно должна была заменить из своего приданого в доме жениха шторы, полотенца и накрыть сельницу и квашенку на

кухне. *«Шторы развешивают. Раньше в деревне-то, вот я говорю, полочки такие, грядки называли, шторки надо было к грядкам, к полатам, шесток (печка) — туда шторочку надо было сделать. На квашню, чтоб это была, как квашённый или как называется, всё везде, на сельницу, всё это. Я тоже делала всё это».*

На второй день свадьбы после застолья участники свадьбы начинали шествие по деревне с невестиним приданым: *«Они покушают, тоже большой стол называется. Покушают, тогда вот и идут по деревне с приданым. На улицу, в другую пошли, к этому, к друзьям, к родне кого-то. Да все улицы обойдут. Показывают приданое. С гармошкой по улицам прогуляются. Все улицы обойдут с гармошкой, пляшут, поют, кто во что горазд. Вино с собой таскают, закуски. Всем подают. Кто попадет встречу, всем подают».* Особенностью показа приданого в этот день было то, что в процессии участвовали ряженые, а «рядились» участники обхода в невестино приданое: *«Бывало такое, сряжались. Полотенце оденут. По улице ходили, песни пели. Кто же думает, то и поёт»/ «Показывают невестино приданое, одевают всё: от и до, от цыгейких туф до лаптей. И идут по деревне, угощают - или самогоном, или брагой, или водкой, если есть. И идут, показывают: "Вот чё она принесла, какое приданое!" А, может, принесла только сумку рогоженую. А в сумке нет ниче, пусто».*

Второй день свадебного пира

Будить молодых

Утро второго свадебного дня начиналось с поисков и бужения молодых: *«Спать увели куда-то в другой дом. К старичку в чуланку. А утром ходят, ищут, где мы. Не знают, где мы. А эти молчат, которые свели. Дружки летают, ищут, где молодые. Хватит спать, их надо поднимать! Бегают, бегают везде. «По-моему они там, у Евгеньи». Я раньше там жила. Туда слетали. Я говорю: "Давай полежим, пока они ищут". Они раз туда побежали, потом еще куда-то убежали в другой дом. Мы тихонечко пришли, как ни в чем не бывало. Которые искали, с них бутылку потребовали, что не нашли. Не хватило таланту...».* *«А утром шли, там постель надо им*

смотреть, какая постель. Крёстный же, сват. И дружка старший. И ищут. А некоторая невеста спрячется, ее везде ищут, ищут, не могут найти. Утром. И жених не может найти. А эти-то, дружки которые назывались, шаферы-то, они говорят: "Давайте нам вот браги литру или четверть, или там водки литру, и скажем, где невеста!" Вот так вот всё утро». «Меня долго искали. Я встала, вот как ухват сделала, телогрейку, села в заулочек, за печку. "Где молодая? Где молодая? Нет молодых! Где?" Говорит: "Наверно, она к Пруткиным ушла". Они везде ищут. А Сергеевна одна видела, что я туда спряталась, тетка его. Она говорит: "Четверть браги - скажу где". Они пойдут за печку, посмотрят - нету. А я рожки-то ухвата кверху сделала, и телогрейка так стоит. И потом всё-таки она видно моргнула дружке, он пришел, вывели меня, и в корыто нас посадили, и туда повезли».

Множество ритуалов второго дня свадьбы в курашимской традиции было посвящено демонстрации «честности» невесты. К наиболее распространенным следует отнести вывешивание на второй день свадьбы над домом красного флага: «Флаг вешали, красный флаг. На крышу залезли, повешали. Если честная попала, так флаг повешают тебе красный...». «Если честная, палку делают, красный флаг на крышу приколачивают. На второй день свадьбы. Я не знала, говорю, убирайте, подумают, какие-то немцы ходят. Не знала такие обычаи». Вместо красного полотнища в качестве флага могли использовать и красную юбку: «Флаг весили, юбку на трубу, на крышу. Никто ничё не знает, а флаг уже повешенный. Дружки вот эти были, они, значит, раз — повесят». Красной юбкой мог дополняться и костюм дружек на второй день свадьбы: «Другой дружка красную юбку наденет, ходит, на себя наденет». Красный цвет во всех обычаях второго дня свадьбы выступал символом честности невесты. Лишь некоторые информаторы отмечали бытование в селе демонстрации простыни, на которой ночевали молодожены: «Где-то простынь показывали, где-то нет. У кого-то берут простыни и идут. Вот простынь наденут эти свахи... Но у нас этого не было, чтоб вот простынь надевали...». «Бабушка постелю послала, нас положила... Потом утром давай простынь искать. А я простынь спрятала. А то потащат ко всем показывать...». Могли поступить и другим образом: часто все зависело от смекалки и

выдумки товарищей жениха: «Мы отгуляли у меня. Спать увели к соседям. Утром мы пришли. Мне говорят, а зима, февраль месяц: "Это чё у Мосеевых дорога вся покраснела?" Они взяли ведерный чугунок, свёклы сварили и облили снег. Я говорю дружке: "Даю пять минут сроку, чтобы всё было снегом закидано, иначе ни стакана не получишь". Так было».

К обычаям демонстрации честности невесты следует отнести и угощение жениха вином и блинами после первой брачной ночи: «Жениху подают блин. Когда крёстный спрашивает: "Как, что было? Лёд ломал или грязь топтал?" Он должен отвечать. Или спрашивает: "Шёл ты чистым полем или тёмным лесом?" Он отвечает. Потом ему несут блин. Вот так вот свёрнутый блин-то, четверо. Если опытный жених, дак он возьмёт еще, такие маленькие полосочки сделает и чуть-чуть так чуть-чуть откусит. Блин-то подадут, когда он откусит, вот, говорят, разверни. Он развернёт. У него там всего отверстие-то такое в блине. А если неопытный, как ему подадут, откусит вот. Знаете, как смеются... Девушка тоже ведь как переживает. Если честная, она же не боится, там хоть что. Она если не честная, дак она боится...». «Сначала вот этот блин-то откусишь, да и потом это вино подавали, красное-белое. Что была честная, если жених выпил красное вино, значит всё пошло, красное, значит всё хорошо. А если белое выпьет, то нет. Там свадьба вся нарушается, и уже вот, ну, настроение такое плохое и вообще всё. Гости разъезжаются. Вот если, например, она честная, да, когда он выпил это вино красное, и как бросил рюмку или там фужер ли, рюмки раньше были. Вот эти свахи, сватовья, дружки, щас тащат корчаги, черепени, там добротные такие надо, они достают, били, под лавками всё достают, на пол, на пол, гору наломают — невеста честная раз».

Существовали и обычаи осуждения нечестной невесты и ее родителей: «Если нечестна, дак на мать могут хомут одеть, вот как на мать-то хомут-то оденут, знаешь как...». «А вот на мать-то хомут-то оденут, да как и посадят её в передний угол самый. Одевали хомут и по деревне вели. Шли все свадебжане».

Подарки дарить

Во время застолья на второй день свадебного пира происходило и одаривание невестинными подарками родственников жениха, дарили отца и мать жениха, его братьев и сестер: *«На второй день, там уже надо: родители за стол, столы накрывать, конечно, подарки дарить, дарить-отдаривать. Старухи-то всё пели, тоже там приговаривают»*. Невеста, вручая подарок, обязательно кланялась родственникам жениха. Дарение подарков сопровождалось особой песней:

Ой, звоны идут, звоны по городу.

Ой, звоны идут, звоны по городу,
Ой, звоны идут, звоны по городу,
Ой, звоны идут, звоны по терему,
Ой, звоны идут, звоны по терему.
Ой, дары несут, дары по терему,
Ой, дары несут, дары по терему,
Ой, одаривают свёкра-батюшку,
Ой, одаривают свёкра-батюшка.
Ой, Вы примите же наши дары,
Ой, Вы примите же наши дары,
Ой, наши дары не пашенные,
Ой, наши дары не пашёные.
Ой, наша судьба да незнамая,
Ой, наша судьба да незнамая.
Ой, дары идут, дары по терему,
Ой, дары идут, дары по терему,
Ой, дары несут да сверковушке,
Ой, дары несут да свекровушке.
Ой, дарили, приговаривали,
Ой, дарили, приговаривали.
Не осудите же Вы да за наши дары,
Ой, не осудите же Вы да за наши дары.
Ой, наши дары не пашенные,
Ой, наши дары не пашёные.

Ой, наша судьба да незнамая,
Ой, наша судьба да незнамая.
Ой, дары идут, дары по терему,
Ой, дары идут, дары по терему.
Ой, дары несут да одаривают,
Ой, дары несут да одаривают.
Да одаривают деверя,
Ой, одаривают деверя,
Одаривают, приговаривают.
Ой, не осудите же Вы да за наши дары,
Ой, не осудите же Вы да за наши дары.
Ой, наши дары не пашенные,
Ой, наша судьба да незнамая.
Ой, дары несут, дары по терему,
Ой, дары несут, дары по терему.
Ой, дары несут да одаривают,
Ой, дары несут да одаривают.
Да одаривают золовушку,
Ой, одаривают да золовушку.
Ой, одаривают, приговаривают,
Ой, одаривают, приговаривают.
Ой, примите же Вы да наши дары,
Ой, наши дары не пашенные,
Ой, наши дары не пашёные.
Ой, наша судьба да незнамая,
Ой, наша судьба да незнамая.
Ой, звоны прошли, звоны по городу,
Ой, звоны прошли, звоны по городу.
Ой, дары пронесли, дары по терему,
Ой, дары прошли, дары по терему.

После получения подарков было принято одаривать невесту: *«Потом невесту тоже одаривают, также поют. Еще меня на стол поставили, свекровь поставили на стол. Не знаю и зачем. Я это одаривала, схватили, дружки поставили меня на стол, чтобы это, невесту как я одаривала. Чтоб видно было»*.

Во время столов второго дня на некоторых свадьбах гостям приходилось «выкупать» столовые приборы: «Потом садятся за стол, подают, выкупай. Ложку выкупай, чашку выкупай, вилку выкупай. За всё надо платить деньги. За всё заплачено, всё схвачено». Невеста уже сама готовиластряпню и угощала гостей: «По закону-ту раньше было, чтобы невеста угощала. Как стряпать умеет? Чё делает?». «Потом выпили, пирогов невеста нажарила, поели»; «Она меня заставляют стряпать. Стеснительные были. Это бы дома, еще что-то, как-то. А тут я говорю: "Нет, не буду". Она тогда говорит: "Тогда бери чайник и иди угощай гостей брагой-ту". Ну, я пошла угощать-то. Дядя Ваня был ее брат, бабушкин, ему подаю, говорю: "Дядя Ваня, выпей стаканчик бражки". Он мне и поёт песенку: "Я у мамоньки жила, не едала коконьки. А теперь коконьки кажну ночь у жопоньки"».

Испытания молодых

На второй день разгулявшиеся гости все больше и больше начинали шутить над молодыми, испытывать их терпение, ловкость, хозяйственные качества и любовь друг к другу. Рано утром, пока еще не начинали готовить и не затопили печь, подружки и друзья закрывали печную трубу, чтобы молодой пришлось дольше повозиться над ее растопкой: «Второго сына женили, девки стекло положили на трубу, и печку никак растопить не могу. И гости собрались. И угощать надо. И печка никак не топится. Стекло положили на трубу, и всё. Потом они сами и сняли. Надо было пельмени варить. Вертелись, вертелись, принесли кипятильник, стали в кипятильнике. Они и сняли стекло-то. Ну, это и раньше бывало, затыкали трубу-то. Тряпьем заткнут, слезят и уберут. А тут стекло положили, и ничего сделать не можем».

Дружки днем топили баню так, чтобы в ней собралось много дыма: «Такую баню истопят, что сопли и слёзы выходят. Потому что там топят не дровам, а чё есть: галоши рваные в баню затурят». «Соломой баню топят». В эту баню везут молодых на корыте: «Невеста пока еще не нарядилась, так в баню их посылают, в дым. Дружки баню затопят. Корыто несут стиральное. Посадят их обоих в это корыто. Хоть летом, хоть зимой, все равно в корыте

везут. И веник им дают. И в баню толкают». Но иногда кто-нибудь из родственников, желающий защитить молодых, предупреждал действия дружек и нарушал их планы: «А брат-то мой маленький был, ему скоко было, мне было двадцать, ему уже семнадцатый год был, так он двери-то снял да на речку унес, на Бабку на реку, на лед. Те пришли - там уже дыму нет, ничё нет. Все бегают, двери-то потеряли». Сметливый жених сам заранее готовится к любой оказии, запасается возможным выкупом: «Если умный жених, то он сразу с собой берет, но чтобы никто не видел, вина, сразу подает, и сразу выпускают». «Я уже там приготовил чайник с брагой. Всё, нас в корыто, баня была в конце огорода, туда. Я захожу, раз, — по стакану браги, нас отпустили». Молодых выручали близкие: «В бане я вообще, думала, задохнуся. Маленько подтопили и баню закрыли, и идите, мойтесь. В форточку нам подали бутылку. Отец подал, выпустили. Такой был порядок, чтобы дали там выпить».

В доме разбрасывали солому, били посуду, бросали на пол монеты. Молодая должна была все подмести и вместе с мужем собрать среди сора деньги: «На второй день у жениха набьют черепков глиняных, соломы, мелочи. Невесту заставляют мести. Гармошка играет, пляшут. Мелочь трясут, там и бумажки кидают». «Невеста молода потом должна это всё вымести. Они бросают деньги, она метет, они это всё разбрасывают, говорят: "Плохо метет, плохо, плохая, — говорят, — невеста". Опять разбрасают, опять бросают. Да еще мелочи наменяют. Вот они и собирают, на коленках ползают. Соломы несут в дом». «То деньги к матнице приколют, чтоб доставать, когда пол метет невеста».

Молодых отправляют по воду, а свадебьяна опять пытаются им помешать, разлить воду из ведер: «И по воду ходили. Тут колодец у нас. Пришли, в ведра набрали, пошли. Кто-то подходит, хлобысь воду друг на дружку, давай поливать друг друга. Идут, снова набирают. Полведра где-то принесли». По тому, как невеста несет ведра с водой, определяют не только умения молодухи, но и качества молодых: «А вот тоже посылают молодых по воду. Что как она несет, не расплещет ли воду, какая она будет. Или он пьяница, если расплещет. А если она не расплещет, дак он не пьяница и она экономная будет. Ой, нести тоже, Господи, да в горку да. Недаром песня-то поется "Посылают ее по воду"».

В доме жениха, особенно на второй день свадьбы, пели много шуточных плясовых песен: *«Маленькая была, я токо маленькой помню. Маленькая была, ходила смотреть свадьбу. А там старухи пляшут, пляшут всё и поют».*

Ой, мамонька...

Ой, мамонька, ой, вой, вой,
Да одолел да меня парень молодой.
Да посреди моей дороженьки
Распарашил мои ноженьки.
Ой, сложил свои да на мои,
Да очутилося четыре ноги.
Ой, пятая маленькая,
Да не ругай меня мамонька.
«Они только ее споют да снова, только споют и

снова».

Гуляют на свадьбе и по три дня, и по неделе, у кого какой достаток. Затем молодые отдают визиты родственникам, гулявшим на их свадьбе. Жених знакомится с родней невесты, невеста — с родней жениха: *«Ездят на третий день, по-моему, к невесте. Мы пришли, там уже стол готовый был, уже ждали свёкра со свекровью. Ходили мы туда. Там опять гуляют. Стол тоже сделают, всё как на свадьбу делают стол. Пельмени делают, всё, и вот уже угощаются».*

* * *

Приведенное описание курашимской свадьбы показывает, что свадебная обрядность села сохранялась как целостный и развернутый комплекс обрядности вплоть до середины XX в. Материалы, собранные в начале XXI в., позволяют реконструировать не только основные этапы, но и множество деталей обрядности, достаточно полно представить свадебный фольклор. В этом отношении свадебная обрядность села на фоне других прикамских традиций не выглядит редуцированной в сравнении с традициями территорий отдаленных от городских и заводских центров, достаточно долго и полно сохранявших традиционный уклад. Одной из причин сохранности следует считать стабильный, старожильческий состав населения села на протяжении XX в.

Свадебная обрядность с. Курашим типологически близка севернорусскому комплексу свадебной обрядности. Многие параллели связывают курашимскую свадьбу с традициями других прикамских регионов, в основных чертах, по основным обрядовым комплексам она наиболее близка традициям соседних территорий Пермского и Кунгурского районов (как, например, хождение с приданым на второй день свадьбы, ряженье, вывешивание красного флага над домом невесты и т.д.).

Целый ряд черт свадебной обрядности обусловлен ее «заводским» характером, к ним можно отнести многие ее «бытовые», «материальные» стороны — например, заплетение прически невесты «култышкой», «завивание» кудрей перед венчанием, городские и близкие к городским формы свадебного костюма, «чайный стол» по приезду молодых с венца. Однако «заводские» формы обрядности, как можно наблюдать, коснулись лишь предметной стороны свадебного обряда, в то время как обрядовая ее сторона близка крестьянской традиции, в том числе и по сохранению некоторых архаичных форм обрядности.

Многоконфессиональный состав населения также внес специфику в содержание и формы свадебного обряда, включив такие нехарактерные для других традиций этапы, как *согласие* в случае брака православных и старообрядцев, либо разных старообрядческих согласий. Существенны различия в традициях венчания и «брачения» у православных и старообрядцев.

Следует отметить и некоторые специфические особенности, которые характеризуют только локальную традицию села Курашим. К наиболее ярким местным обычаям, неизвестным по материалам других районов Прикамья, следует отметить обычаи с поиском каши дружками в первый день свадьбы. Нетипичен для других районов Прикамья и свадебный персонаж «казначей», назначаемый из подружек невесты.

Столь обширный и богатый по содержанию материал по свадебной обрядности, собранный только в одном селе, позволяет предполагать о перспективности изучения пригородного района краевого центра. Возможно, и в других населенных пунктах Пермского района удастся зафиксировать не менее полный и уникальный пласт традиционной народной культуры.

Список информаторов:

Грачев Иван Николаевич, 1937 г.р.
Грачева Валентина Степановна, 1915 г.р.
Скрипкина Екатерина Степановна, 1925 г.р.
Мишуриных Анна Дмитриевна, 1935 г.р.
Жданова Лидия Федоровна, 1925 г.р.
Сенокосова Анастасия Степановна, 1925 г.р.
Широкова Серафима Григорьевна, 1920 г.р.
Пешкова Мария Павловна, 1940 г.р.
Пупырева Елизавета Петровна, 1938 г.р.
Шевчук (Старикова) Татьяна Васильевна, 1926 г.р.
Черепанов Василий Иванович, 1932 г.р.
Копылов Иван Александрович, 1925 г.р.
Отинова Екатерина Ивановна, 1928 г.р.
Хохрякова Елизавета Васильевна, 1927 г.р.
Козлова Полина Васильевна, 1929 г.р.

Записи большинства песен сделаны от ансамбля исполнителей в составе:

Отинова Екатерина Ивановна, 1928 г.р.
Хохрякова Елизавета Васильевна, 1927 г.р.
Козлова Полина Васильевна, 1929 г.р.

Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка русских Пермского района

Т.Г. Голева

Рождение ребенка – одно из знаменательных событий в жизни семьи. Ведь полноценной семья считается только тогда, когда в ней есть дети. Воспитание детей требует особых усилий, внимания и любви. В народной культуре сложился особый комплекс обычаев и традиций, посвященных теме рождения и детства.

Женщине, ожидающей ребенка, по народному этикету необходимо было соблюдать ряд предписаний. Многие запреты и правила имели одновременно практическое и мифологическое значение. В любом случае их нарушение могло принести вред плоду или младенцу после рождения.

«Беременной нельзя покойника провожать. Собаку или кошку пинаешь – «кочерга» будет» (с. Курашим, зап. от К.П. Трутневой, 1928 г.р.).

«С брюхом ходишь, через кошу не надо шагать, чтобы кочерги не было. В наклон нельзя работу делать. А то в наклон будешь, ребенок пойдет неладно» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.).

«Поросенка нельзя пинать, «кочерга» будет очень даже, больше еще будет. Через коромысло если перешагнешь – скинуть можешь» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

В народе известны приметы по определению пола будущего ребенка, например, если живот острый – родится мальчик, широкий – девочка. Для некоторых женщин знаком служило особое пристрастие в пище, детали одежды:

«Первого я сразу знала, что будет мальчик. Вот рубашка, нижнее бельё, она всё время так загибалась. Так загибается, до послёда у меня не было прихоти. Уже перед тем, как

рожась, —vineгрет. В гостях мы были. Мне говорят - ешь пельмени. Вот такую чашку vineгрета поставили, я наворачиваю vineгрет только так» (с. Курашим, от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

Медицинские услуги еще в середине XX столетия были недоступны многим роженицам. Поэтому роды проходили дома, в более тяжелые годы могли случиться во время работы в поле и т.д. В домашних условиях будущей матери помогала опытная пожилая женщина повитуха. С появлением медицинских услуг, на дом вызывали медиков. Роженицу и ребенка первые дни обязательно мыли в бане, младенца держали в теплом месте — на печи. Но порой молодой матери сразу приходилось браться за свои домашние обязанности, о чем рассказывают многие жительницы Пермского района.

«Я всех дома рожала. Мне некогда было по больницам издить. Мама схватила, унесла в баню, вымыла. За врачом поехали. Врач приехала, посмотрела: ребенок хороший, спит. Я родила, врача везут, а я уж в избе мету. Стали в избу-то заводить. Я виник-от бросила, думала, она меня заругат. Она говорит: «Нет, нет, давай думай, я тебя ругать-то буду, рано ты мести начала». В 12 родила, а утром врача привезли, я уж пол мету. Нам некогда было нежиться совсем. И Марию родила дома, и Колю, и Галю, всех, всех. Мертвую первую девочку родила, она почти неживая была. Ее отдули: вот бабушка хлестала ее по попке, хлестала, хлестала, она живая стала. Так она как пышка у меня росла» (д. М. Клестята, от А.П. Кочкиной, 1922 г.р.).

«Раньше под суслоном да где. Бабушки ходили, бабились. У нас соседка Катя родила да на печь ребенка, сама хлеб печёт» (с. Курашим, от К.П. Трутневой, 1928 г.р.).

В народе считалось, что в первые часы жизни новорожденного можно определить его будущую судьбу. Один из способов — поднять ребенка вверх:

«Поднимают, если вытянулся или ноги под себя скрутил. А какой ответ, я не помню...» (с. Курашим, от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

Обычно здоровый, сильный малыш не пугался и вытягивался. Если же ребенок ежился, поджимал ноги, это воспринималось как символ слабости. Существовали и иные приметы:

«Вот у Вани я посмотрела голову первой раз: ползёт вионёнок. А мне говорили: если он вперед поползет, то жить будет, взад пойдёт — умрет. У его вперед пошёл, он и живет» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.).

В данном примере вошь выступает посредником, проводником между смертью и жизнью. Неслучайно движение вперед в примете интерпретируется как жизнь, так как оно «правильное», в отличие от направления назад, аналогичного движению наотмашь — к неизвестному, потустороннему миру.

Имя ребенку, как правило, выбирали, следуя христианской традиции, по святым. То есть давали имя того святого, которому был посвящен день рождения ребенка или близкие к этому дню даты:

«У меня, Ване я хотела Володей дать, а дедушко сказал: «Ты погрешил». Он перед Ивановым днём как раз родился. И вот и дали Ваней. Говорит - нельзя, надо по писанию, всё по писанию» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.).

В других случаях давали понравившиеся родителям имена:

«Еще там сидел, я говорю: «У меня там Сережка в сапожках сидит». Сережка и всё. Потом дочь Надя. Муж говорит - я хочу, чтоб Надежда была» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

Имя ребенку давали обычно во время крещения. Крестили младенца в первые месяцы его жизни. Мать не сразу могла посещать церковь, ребенка крестили выбранные родителями крестный или крестная. В старообрядческой среде детей крестили настоятели, в советское время — некоторые пожилые женщины в домашних условиях в купели или в реке.

«В наше время крестить-то было нельзя. Как раз в то время рожала. Тайком, конечно. А вторую вовсе нельзя. Свекровь сносила в церкву. Окрестили да и всё. А что делать? Всё равно надо» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

«Боялись крестить детей. Пришамбалы-те, коммунисты-те, боялись крестить. А нам чего бояться? Я родила, сходила через три недели скорее, покрестили» (с. Курашим).

«Раньше макали в купель. А ноне ведь не крестят. Один крестил да ребенка-то утопил. А теперь так-ту не крестят. Прочитают молитву, ребенка положат и льют на ребенка-то. Сразу надо крестить. А если больной, то дён через десять окрестят, раньше ли. Мать выбирает, кого поставить хрестным. Крестили, гостей угощали. Я родила, сношеница каравай белого приносила» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.);

«А дед раз старостой был, он всё равно в церкви крестил. А детей я в церкви крестил, а бабушка прямо в реке крестила. У меня ребята говорят: бабушка читала, читала, будтых нас. Я говорю: "Бабушка, если они заболеют, я одного захороню, я тебя утоплю в этой Курашимке". — "Ничего не будет! Я ведь святила ее"» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.).

Особый чин крещения был характерен для старообрядческих традиций:

«Погружают. Специальная была купель. Наливают воды и ребенка макают три раза. Вот я девок крестила. Почему-то только крестна ходила, мать-то не допустили. В Перми крестили. У нас старичок был. Если ты в православной был, идешь в эту веру, обязательно крестят. А если из этой веры пойдешь в церковь, там не крестят» (с. Курашим, зап. от Т.В. Шевчук, 1926 г.р.).

Помимо крестин, в доме новорожденного устраивалась «каша», на которую собирались родственники, соседи и знакомые, чтобы поздравить родильницу, познакомиться с ребенком.

«Уже пришла из больницы, маленько окрепла. Кашу обязательно сделают, там подарки приносят, маленько угощают» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

С этого момента младенец становился одним из членов общества.

Уход за ребенком

Младенец требовал особого внимания и заботы. В деревнях и селах Пермского района были известны и применялись общие для русской народной культуры средства ухода за ребенком. Малыша первые месяцы убаюкивали в зыбке, кормили из самодельной соски. Когда он немного подрастал, изготавливали для него специальные сидения. Мать не всегда могла постоянно находиться со своим ребенком, так как ей нужно было управляться с хозяйством. Поэтому во многих семьях за малышом следили старшие братья и сестры, бабушки или специально нанятые няньки. Так старшим по возрасту детям прививалась ответственность за свои дела, навыки воспитания и ухода за младенцем.

«Зыбки были. Ребенка в зыбке качают. А если нет ребенка в зыбке, нам охота тоже качаться. Так мы залезем и тоже качаемся. Там была палка такая, одета в кольцо. Тоже качались, зыбались сами собой. Мои ребята качались тоже двое или трое в зыбке. У нас зыбка красивая была. Так она и осталась на вышке» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуринских, 1935 г.р.).

«Очеп был деревянный, на очепе. А люлька деревянная была. По краям все как загородка» (с. Курашим, зап. от Л.Ф. Ждановой, 1925 г.р.). «Говорили, что нельзя качать пустую зыбку — еще ребенок будет» (с. Курашим).

«У меня все хорошо спали, мне недосуг было. Повешаю зыбку, положу ребенка, под зыбку накладу всякого места: подушки положу, полта соберу, положу. Приду с работы домой. Ребенок из зыбки вылетел, на полу сидит. Один раз пришла, Любка сидит у порогу, вылетела из зыбки, сидит вот эдак. "Любушка, ты че?" — "Да замерзла". У дверей сидит» (д. М. Клестята, зап. от А.П. Кочкиной, 1922 г.р.).

«Соски были коровьи. Корову зарежут, соски-те отрезают. Эту соску привяжешь к бутылке ниткой, этой соской кормишь. Рог ешо коровий был. Его в рот затолкашь, ложкой наливаешь ему туда». А пеленки-то какие были? Худые юбки да становина. В эти трепье завернешь его. Такая узкая, как лента, пеленник шили из тряпья, из марли. Он из лоскутков, из тряпья шили. Ребенка в него завернешь, этим жгутком ее всю и стянешь крестом-накрестом, так кругом, кругом. Так и лежит все» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуринских, 1935 г.р.).

«От груди отучали – сажей намажут, солью, или щетку подложат» (с. Курашим).

«Выпавший молочный зуб в голбец бросали: «На те мышка репный, дай мне костяной»» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

«Стоянка была. Вот такое дерево, так оно вырублено, одинарно, уже вырублено всё. И вот там оставлено сидение и для ножек. На сидении лавочка была сделана. Вот за стол эту поставят стоянку и посадят туда ребенка. И вот, всяких игрушек полный стол тут у него. Стол-то подвинут, чтобы он не перевернулся» (с. Курашим).

«Мамонька ходила и бабушка Дуня водилась. Семь лет мама водилась с тремя. А потом уже одна воспитывала» (д. М. Клестята, зап. от А.П. Кочкиной, 1922 г.р.).

«В няньки брали, это когда уж мы были, так брали молодых девушек. А в деревне бабушки были все» (с. Курашим).

«Я со своими нянчилась братьевыми. Сначала с племянником, потом с братьевыми, потом снова с племянником трехмесячным. Оставили на две недели, они уехали со старшим братом в Пермь, обещали такую куклу в коробке, даром что живая кукла такая есь. Десять с половиной лет мне было» (с. Курашим).

«У меня вот сестра Лида была, семь лет ей. У мамы вот родится ребенок, они уходят на работу, а ее оставляют. А она чулки навязет, чулок на чулок вот привяжет, за зыбку тут сделает в окошко, продёрнет в окошко, и под окошком девки придут. Она играет, дергает за чулок. Ребенок выпадет из зыбки, она всё дергает ее. Ребенок ревет, она пуще дергает. А он уже на полу лежит» (с. Курашим).

«Я вот водилась. В няньках всё была, мне некогда было с куклами. С братьями, с сестрами. Рассердишься, оставишь на дороге, они крапивою все изжались и режут. А я всё была строгая. Натычешь имя, они поревут да спать лягут» (с. Курашим, зап. от Е.И. Копыловой, 1930 г.р.).

«Пять лет дали нянчиться. Старши сестры пойдут работать, полоть, а я как нянька. Начну ее пеленать, она у меня падет, орет. Кормить нечем. Я ей губу, она мне вытянет. Я ей язык, она мне всё вытянет за день-то. Дам губу, она сосет, тянет. А молоко, если есть, я ей налью чекушку молока. Она у меня ревет, ревет, я ее возьму пеленать, она у меня падёт! Ешо пушище орёт» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуринских, 1935 г.р.).

Детский фольклор

Потешка

Сорока-белобока,
Белые крылья,
Черный нос.
На порог скакала,
Гостей дожидала.
Не будут ли гости,
Не съедят ли кашку.
Этому на ложечку,
Этому на поварешечку,
Этому на кусочек,
Этому на ломоточек,

Пальчику-мальчику
Ничего не досталось.
Пальчик-мальчик
Толчет-мелет,
Квашенку заводит.
Квашенка на елке,
Мутовка на сосне,
Вода на болоте,
Мука не молота.
Тут пень (запастье),
Тут колода (сгиб у локтя),
Тут – белая береза (плечо),
Под березой ключики кипят (щекотит под мышкой).
(с. Нижние Муллы)

Сорока-белобока
На порог скакала,
Гостей сметала.
Не сварят ли кашку,
Не купят ли милому рубашку.
(с. Курашим)

Колыбельная

Люли-люли, люленьки,
Прилетели гуленьки,
Стали люленьку качать,
Стали Веру усыплять.
Баю-баю, баиньки,
Прилетели галоньки,
Сели у качалоньки,
Стали галки напевать,
И качалоньку качать.
(с. Курашим).

Медицина, детские болезни

К уходу за ребенком можно отнести различные приемы, применявшиеся в случаях болезни. Многие из них носили суеверный характер, сопровождалась заговорами и магическими действиями. Тем не менее, в прежних условиях они являлись практически единственной возможностью помочь успокоить ребенка и его родителей и часто имели положительные результаты.

От грыжи.

«Надо черного хлеба, чтобы он пососал, вот его возьмут, нажуют, в марлечку сделают и вот дадут. И вот он пососет, говорят, грыжа не будет детская» (с. Курашим).

«Чтоб не грызло ребенка, свёклой поят. Натерут на терке, в тряпочку, и дают это самое» (с. Курашим).

«Чертить самые маленькие сучки на ухвате пальчиком, и по животу раз два-три» (с. Курашим).

«Круг грыжи чертила сучком. Сначала на сучок начертю, потом на грыжу. Потом сдуну, сплуну. Три раза проговорю. Надо три дня подряд - утром по заре и вечером по заре. Нормально всё пройдет» (с. Платошино, от М.В. Васевой, 1927 г.р.).

«Специальная бабушка была. Пойдешь к ней, она заговорит, почертит пальцем. Вылечит. Я всех ребят лечила. Потом у меня у одного парня, грыжу-то она не заговорила, некому, она у меня уже большая. Я в больнице проработала всю жизнь. Мне одна напарница и говорит: "Девка, у тебя какой пуп-от у парня-то. У тебя его ведь прогрызет. Давай пой ртутью". Градусник сломали, мне ртути дали в черепушке. Я ему закатываю, чтоб по шарик по маленькому. Потом с калом всё выходило. Вылечила» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуринских, 1935 г.р.).

От кочерги.

«Кочергу на дрожжи или на грудное молоко, потом красну тряпку, и парить. Красную, чтобы она вышла. Она как щетина выйдет. Посмотришь, за раз не выйдет, так еще раз. Не будет гладко, будет – не надо» (с. Курашим, зап. от К.П. Трутневой, 1928 г.р.).

«Начнут парить, представляете – черно. И на молоко материно, и на дрожжи. А бывает просто, вот веснина – шерсть, проведешь весниной, и всё, выходит, сама по себе идет, ей же и снимаешь всё. На красную тряпку выпаривать, она хорошо на неё идет. Попаришь, похлещишь веником» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

От собачьей старости (рахита).

«Вот я буду рубить эту траву маленьким топориком, а ты спрашивай: “Что, бабушка, рубишь?” Я буду тебе отвечать: “Собачью старость”. А что там. Но вот траву рубила» (с. Курашим).

От полуношницы (бессонницы).

«Полуношницу у нас мама убирала, делала прялку, связывала и ложила под подушку прялку, на которой прядем. Вот такую же делайте из лучины маленькую. Обыкновенную из лучины связывают, тут подструживают, конечно, чтоб пошире она была, где куделька. Ложат под подушку. Говорят: “Полуношница дневная, ночная, утренняя, полуденная, садись да пряди, не тронь моего младенца (и имя называют)”. А если парню, то делают как лук. Дак тоже так же: “Полуношница дневная, ночная, утренняя, полуденная, бегай да стреляй, не тронь моего младенца (имя)”» (с. Курашим).

«Вот у меня сын третий не спал. Днем спит, ночью не спит. Меня научили тоже, я вокруг столба ходила, наговаривала, не знаю чё. Все таскала его ночью в 12 часов» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуриных, 1935 г.р.).

«От бессонницы дётем на пятки крестики делаем на ночь. Это и у маленьких, и у стареньких. Я помню даже у бабушки, ну, не мог спать ночью. Ему даже мы делали крестики» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

От уроков, испуга, рева.

«Сглазили. Свекровка возьмет воды в рот, брызнет. То она что-то говорит им...» (с. Курашим, зап. от Е.И. Копыловой, 1930 г.р.).

«То ли изурочат, то ли испугатся. Какой-то испуг бывает. Плачет, беспокоится. Вот сбрызнешь его водичкой. Только надо с молитвой, а я не знаю. Сбрызнешь, и всё» (с. Курашим, зап. от К.П. Трутневой, 1928 г.р.).

«От уроков чё-то она парит, парит веником. Сучок вот так стукнет и опять парит. Чё-то тоже говорила: “От рыжего, от черного, от черёмного”, – тыкнет в потолок и опять парит. “Скатайся, смывайся уроки, призоры, все приговоры из мягких губ, из горячей печени, из семи мозгов, из семи хресков, по костям бы не ходила, но у такой рабы Божьей кости бы не ломило, иди, иди вся худоба в реки, в моря, в луга, в леса, ломай там пеня, коренья. Отныне вовеки, из веки повеки”. Вот это я знаю. Маленьких ребят всегда умывала. Мне сказали, и я всегда умывала. Сначала вот от черного-черёмного там, от девушек, от солдаток, от злых людей от всех, – вот это всё» (с. Курашим).

Для воспитания ребенка обычно использовались разнообразные приемы. Дети вырастали в естественной среде, знакомились с миром и вместе с этим получали знания, умения и навыки. Обязательно дети привлекались к домашнему хозяйству. В семье за ними были закреплены наиболее легкие занятия, с возрастом задачи постепенно усложнялись. Родители всегда на своем примере показывали необходимые для исполнения работы приемы, объясняли детали дела. Обычно детей воспитывали строго, внушали уважение к родителям и старшим людям. Особое место в некоторых семьях занимала религия, и дети сразу включались в религиозную жизнь, посещали вместе с взрослыми церковь, молились дома. Одним из методов народной педагогики было устрашение: детей пугали мифологическими персонажами, реальными людьми, возможностью быть наказанными. Радикальные средства наказания применяли в редких случаях, лишь, когда ребенок действительно их заслуживал, стараясь справедливо оценить его проступок. Некоторые знания и умения детям передавались в игровой форме: в приемах изготовления игрушки и действиях с ней, в прибаутках, с помощью «придуманного алфавита» и т.п.

«Тебе шесть лет, тебя уже заставляют. Огороды большие были, у нас вон 25 соток было. Там межся такие, они скосят, гребешь, чтоб правильно была гребля. Правильно чтоб грабли держать. Мы с мамой пошли, война началась, надо было косить, косить некому. Мама косит, чтоб прокосево было большое, чтоб там прокошено было. Она мне дала литовку. Ну, говорит, лопатить я буду сама. Она, значит, лопатит литовку, всё так построжает, еще с напильником, это вроде как строгать надо. Даст мне ее. Она сама пошла, показала мне в первый раз. "Вот так будешь косить, и чтобы там прокосила траву, чтобы там она прокошена". А ведь болото. "Бери маленькое прокосево-то". А мне надо было, чтобы как у мамы, чтоб прокосево большое было. Не отстаю, с силы, чтоб не отстать от мамы. Я косила, косила, а домой-то пришла, уже на другой день я не могу, не могу, реву. Неделя болела. А что болела — вывернула руку» (с. Курашим).

«Вот тебе огород, вот тебе, чтоб все было выполоть. Вот там две гряды, скажет, а гряды-то были по полкилометра наверно. Такой огород у нас длинный. Ну, всё заставляли. Поливать. Воду носили далеко в гору. В доме чтобы всё было сделано, чтобы всё было чисто, пол был вымыт, половики похлопаны, чистота чтоб дома была. А пряхть в говинье все начинали. Детям дадут отрепья самые плохие. Поучись вот. И вот прядешь, прядешь. Сначала толсто прядешь, потом уже потоньше. Потом уже такое дадут, что тонко прядется. Пастух идет, там у-у, коров надо выгонять. Бабушка говорит: "Иди, гони коров". Идешь, корову гонишь. Вечером встречаешь. Доить заставляли — учись доить. Доить ходили. У нас соседка всё Ивановна уйдет: "Полина, ты тут подой мою корову, пусти и подой". Или: "Ой, не успела, подой корову и молоко туда поставь всё". Пойдешь, процедишь, в яму спустишь, — всё это с маленьких лет» (с. Курашим).

«Скажет, вымой посуду и всё. А мало того, еще пробегаешь, не вымоешь. Она уж с работы придет, рванешь домой, только пятки блещут, посуду мыть. Опоздал — затыльник получишь. Вот чё и воспитание всё. Накажет: в избе замети, посуду вымой, огурцы полей» (с. Курашим, от Е.С. Скрипкиной, 1925 г.р.).

«А молитву, ой, маленькие ходили, еще ниче не понимали. Бабушка если стоит в церкви, а ты у ее ног сидишь, но всё равно с ней заутреню сидишь. Только с бабушкой. А стали побольше, так стали ходить одни. В церковь редко ходили, только по праздникам. Вот на Пасху, Великий четверг, мы, дети, не постовали, нас всё равно кормили. Они не едят, а нас кормили» (с. Курашим).

«Шибко отец нас не наказывал. Но мы так делали всё воровски. Он сердитый был. Всё пробегам, придешь ведь домой, все до пояса сырые, замерзнем. За дверями стоим, слушаем: если никого нет, то он нас может шлепнуть там валенком или чем. Стараемся скорей, швырк на полати. А мама, она за нас была» (с. Курашим, зап. от Е.И. Копыловой, 1930 г.р.).

«Как не наказывали, ремень всё время в руках был. Знаешь, как страшно даже. Но не наказывали. А у нас ремень висел, брат у меня был и я, ремень чтоб мы видели. Взглянешь иной раз. Меня не наказывали. Один раз только мама полотенцем. Где мы были, не знаю. Я прихожу. "Где ты до сих пор была?" Я захожу в дом, в избу, а тут полотенце висело, руки вытирали. Она взяла этим полотенцем два раза ударила. Отца больше боялись. Отец посмотрит, посмотрит, так вроде уже это. Отец меня очень любил. Говорили, чтоб домой приходили вовремя. Когда нам было по 15, по 16, бежали, если пробегаешь, придеешь, они уже спят. А мы в окошко же, в окошко лазили, не в дверь ходили. Окна-то ведь у нас не закрывались там. Придеешь, окно откроешь, ш-ш, — тихонечко и всё, и уже спишь» (с. Курашим).

«Сказали, куда не пойдешь — значит, не пойдешь. А если уйдешь, придеешь — пыжмана получишь. Что в руки попадет, тем отпорют» (с. Курашим, зап. от В.И. Черепанова, 1932 г.р.).

«А меня один раз надрала. Елениному сыну Михаилу купили чулки. Я говорю: "Парни чулки не носят". Взял, отстригнул. Вот этот репей, лопухи. Тут лежал пучок, она взяла, сколько ей попали, и давай меня охаживать пучками» (с. Курашим).

«Я один раз только помню, она меня ремнем, было дело. Так это я виноват сам. Заупрямился что-то... Она не вытерпела, ремнем меня, и сама плачет» (с. Лобаново, зап. от А.Я. Созонтова, 1928 г.р.).

«Даже мама вспоминает, когда с папой поженились, бабушка сказала: "Никогда ребенка не бей, даже по попе. Если по попе — только полотенцем". У дедушки со времен войны был ремень такой широкий. Бритву точил. Расшалился, он этим ремешком как даст по лавочке, такой звук. И всё, мы присмиреем. Один раз ушли без спроса, они нас потеряли. Бабушка только мне сказала: "Неладно, Оля, ты сделала". Я запомнила это слово неладно — не в ладу значит с кем-то пошла. Мне было очень стыдно. Она нас никогда не ругала, не шлепала» (с. Лобаново, зап. от О.А. Мироновой, 1966 г.р.).

«У нас был Куимко да Максимко. Один хромой, другой безрукий. Они меня напугают: ты не ходи, не ходи, там Максимко, Куимко ходит. Один председатель был, другой скота гонял, хромой-то, на лошадях ездили. Меня напугают, я опять и сижу с ребятами-то. Они меня всё время пугали. А они в лес то по грибы, то по ягоды, то по травку» (с. Курашим, зап. от А.Д. Мишуринских, 1935 г.р.).

«Бабушка с дедушкой нас как умиряли. Нам же побегать хочется. Бабушка нам всё время говорила, бегать мы у нее просились: "Нельзя, полудница сейчас ходит". У меня почему-то в детском воображении — зеленая старуха. Полудена раз в огороде живет, мне она зеленой представлялась. Мы действительно боялись» (с. Лобаново, от О.А. Мироновой, 1966 г.р.).

«У нас всё отец учил по буквам, он всё: "Анна, бабушка, Вася, Гришка, дом, Егорко, жук, Зоя, Иванко". Какая буква как называется, он так и говорил. Он написал нам, как азбуку. У нас лавка большая была, мы на лавку встанем, вот и читаем» (с. Курашим, зап. от Л.Ф. Ждановой, 1925 г.р.).

Детские игрушки

Прежде дети играли самодельными игрушками, которые они либо изготавливали сами, либо их делали родители, старшие братья и сестры из доступных материалов: дерева, глины, травы, костей. Не у многих встречались покупные игрушки. Свои игрушки были для девочек и для мальчиков. Игрушками также служили различные предметы быта, природные материалы. Многие из них легко было соорудить, а потом использовать в другом назначении. Тем не менее, дети дорожили своими игрушками не только потому, что их было немного, но и потому, что они были сделаны их руками или руками их близких родственников.

«Куклы — жених, невеста. Свадьбу сразу играли. Из соломы сделают, всё обернут. Голову тоже сделают, нарисуют глаза, всё. Но вот из соломы мы делали, всё равно ее обтягивали материалом. Свекор мой, он все плел лапти. Да опять ребята-то малышки у них играли. Это деревцо, которое вставляют. Так вот нарисуют» (с. Курашим).

«Лучинку ципали, печь-то зажигать. Вот отципнут эту лучинку, всё хорошо постружат там, нарисуют брови, щеки накрасят, губы. Из кудели она пришьет как бы волосы, косу заплетет ей сзади, ленту сделают, ну, тряпочку красивую, шелковую, тонкую. И всё. И вот там кофточку сошьет, юбочку или платьице. Вот переодеваешь. И жениху тоже там сделают. Руки тоже привязывали. Сделают небольшим крестиком – и туда рука, сюда рука, рукава надеваются» (с. Курашим).

«Палочки найдут. Голову из чего-нибудь, из кудели навертят, бумажской, туто глаза наделают, вот и всё. Белой гумажской завернет и нарисуют. Белой тряпкой» (с. Курашим, зап. от В.С. Грачевой, 1915 г.р.).

«Куклу из опиала нам бабушка сшила, большая кукла. Мы из-за нее дрались. Она за ноги, я за голову, оторвем или голову, или ноги. Платье ей бабушка сшила, волосы были, лицо рисовали сами. Сами делали из тряпок, шили или закручивали» (с. Кольцово, зап. от Н.П. Шашлыковой, 1938 г.р.).

«Куклы сами шили из тряпок. Где-нибудь головку найдем от кукол. На лучинку сделаем, потом одеваем. У нас какая-то такая была головка кукольная, красивая. Магази́нская. Мы всё ее одевали» (Курашим, от Л.Ф. Ждановой, 1925 г.р.).

«Деревцо (колодка для плетения лаптей) заворачивали, это ребенок был. Так гундырили, из тряпок делали кукол. Там в тряпку ватку набивали или мох (у нас обычно мох был). У нас там речка рядом, речной мох был. В речке он растет. Этого, значит, моху, потом закрутишь, тут подвяжешь, куда-то что-то нарисуем, глаза да что. Чтобы руки сделать. Чтобы руки были маленько естественно, подбираешь материал такой. Сделала, привязала. Как раньше были кимоно. Привязал, обрезал, получилось вроде платье. Поправил все. Руки на место. Всё, моя красавица должна улыбнуться. Нарисовали. Волоски приделать еще, платочек обязательно одеть, чтобы она не простудилась. Повязать надо обязательно. Она еще

маленькая, надо запеленать обязательно. Запеленаешь, ребенка также запеленывали, и положишь спать, и баиньки-баиньки скажешь. Больших, конечно, не пеленали. И маму, и папу, детей разного возраста. У нас папа обычно был деревцо» (с. Курашим, от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

«Свиной пузырь вымоют, потом что-то в муке, в отрубях, помоему, чтоб потом смести. Сначала надуют, потом высушат. Дальше туда положат горох или что, так брякает он» (с. Курашим).

«Из этого еще делали, когда заколют, зарежут скотину. Особенно свиные косточки были. Все собирали, промоют и играли как будто бы в шашки или шахматы. Бабки называли» (с. Курашим).

«Ой, из бересты делали свистульки, свистели. Корзиночку какую-нибудь сделают: вот по ягодки пойдет твоя куколка. Стаканчик сделают, раз-раз пришили ручку, всё» (с. Курашим).

«Накатывают такой твердый, твердый мяч. Лошадей чешут, а потом волоски ее, не те, которые грубые, а как пушок такой, вот из него скатают. Потом дети играют» (с. Курашим).

«Мячик мы из шерсти делали. У коровы собираешь веснину, крутишь, крутишь, вот мячик» (с. Курашим, зап. от М.П. Пешковой, 1940 г.р.).

«Играли битой посудой – чечки. Клетку сделаем: тут скамейка, тут скамейка, стол поставим. Закроем, вроде как шалаша. И посуда всякая. Эти вот чайные ломали. Брали, которые с трещинкой на чашечке, на тарелке. Глину намешают, стряпали. Стряпали из глины всё. Вроде это шаньги, это кулики, это у нас печенье. На досочку положим, сушим на солнышке» (с. Курашим).

«Клетку сделаешь, чашек насобираешь, какой-нибудь изломанной посуды. Из глины шаньги стряпаешь» (с. Курашим, от Е.С. Скрипкиной, 1925 г.р.).

«Свистульки ребята делали из глины, еще покрасят их краской. Обожгут, в печке обжигали свистульку. И чтоб свистулька-то блестела. И вот ходят, насвистывают. Такая маленькая, как птичка. Хвостик-то где, там дырочку сделают, она свистит. Как уточка, здесь лицо, здесь спичкой ткнут две дырочки, тут чё-то сделают и всё» (с. Курашим).

«Траву нарвем, высушим, конны сделам. На какую-нибудь тележку сделам. Всё уж привыкали сразу к этому делу» (с. Курашим, от З.Г. Сидоровой, 1932 г.р.).

«У нас папа делал тилильщика. Вот что-то сделает, его поставит на краешек, и он сидит, качается» (с. Курашим).

«Цыплят делали. У меня брат делал. Взял фанерку, ручкой, и там цыплят наделат из этой фанеры. Обточит их всё, лапки и всё, во середине у каждого цыпленка дырочка просверлена. А там режет мячик такой, тоже деревянный. У каждого цыпленка привязана нитка, и за этой шарик. За ручку держишь, начнешь его крутить, а оне по очереди... Такие же еще продавали. Мне брат много делал и мебель, и кукол, и клетки делали» (с. Курашим).

«Раньше покупали. Вот какие-то были шарики, они из материала что ли, и кругом вот так резинкой тонкой весь обмотанный. И повесят этот шарик над люлькой, и вот он качается» (с. Курашим).

«Вот еще эти красна, когда ткут, и там есть ниченки, бёрда. Там кончики как иишечки у бёрда. Брат привяжет нитку к этому концу, к этому, наденет на шею и: тынна-тыны-нана-тына, тыны-ны-на-тынна да ты-ны-ны-нына на-на. Это ему было пять лет, он учился, чтобы играть уже в гармошку. И отец играл очень хорошо» (с. Курашим).

«Игрушки для детей я сам делал. Зайца, из животных кого-нибудь вылеплю, в печку поставлю. Делал оружие: пулеметы, автоматы. Сабля даже была» (с. Лобаново, зап. от А.Я. Созонтова, 1928 г.р.).

«На палки и верхом, как лошадка. Вот качель была. Дед сделает качель» (с. Кольцово, от Н.П. Шашлыковой, 1938 г.р.).

«Коньков не было, папка бакланы такие вычешет топором, отделат. И в кузнице обошьет полоской такой по низу. Сделаешь верёвки, коньки считались. Ледянки делали. Коровий помет наморозишь, поливаешь, поливаешь, такой толщины. Две ножки, поперёшку. Под горой, в Кольцовскую сторону катались на ледянках» (с. Лобаново, зап. от В.Ф. Горбунова, 1930 г.р.).

«Еще на Мулянке делали: ставят палку, приколотят длинную жердь и на санках, как на карусели» (с. Лобаново, от М.А. Горбуновой, 1935 г.р.).

Колыбельные д. Малые Клестята Пермского района

публикация Г.В. Алтынцевой

Баю, баюшки, баю,
Спать укладываю,
Уговариваю.
Спи дочечка моя,
Спи хорошая моя,

(д. М. Клестята, от Л.В. Овчинниковой, 1931 г.р., из д. Новоселово).

Баю, баюшки баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький бычок,
Тебя ухватит за бошек
И потащит во лесок,
Под ракитовый кусток,

(д. М. Клестята, от А.П. Кочкиной, 1922 г.р., из д. Горбуново).

Проводы в солдаты в традициях с. Курашим Пермского района

Д.И. Вайман

Проводы в армию было одним из ярких событий в жизни деревни, сопровождающихся целой серией обрядовых действий. Именно они, совершаемые над рекрутом, должны были оградить его от всякого зла, обеспечить хорошую службу в армии и возвращение домой живым и здоровым.

Основные и наиболее яркие действия были накануне ухода рекрута в армию. За некоторое время до призыва устраивались гуляния по деревне, сопровождаемые исполнением рекрутских песен и игрой на гармошке, гостеванием и катанием на лошадях. При катании рекрутов на конях было принято украшать коней почти также ярко, как и на свадьбу: *«До этого было. Кто-то, раньше назывались некрута. Они на конях катались. Такая же система, наподобие как на свадьбе. Ленточки вязали лошадям. Они ездили, как возможность была, объезжали как. Например, с той улицы до Большой улицы»*. Обычно коней украшали лентами. Ленты привязывали также к гармошке. Гармонь — непременный участник рекрутских гуляний. В последний вечер рекрут с друзьями непременно объезжали с песнями всю деревню.

Характерной особенностью рекрутской обрядности с. Курашим был обход домов новобранцами и сбор яиц: *«По домам ходят, яйца собирают. Яиц насобирают, собираются все дома. Яйца каждый даст. Сами они идут с корзиной, и каждый имя дает. Вот ходят по домам по всем. Кто сколь даст. Раз такое заведение было. Потом собираются в одном доме и справляют»*. Обязательным при проходах в солдаты были и вечер, устраиваемый накануне.

В рекрутской обрядности определенные действия совершались с вышитыми и подаренными носовыми платками. На прощание девушки парням-рекрутам дарили платки. Данное действие не случайно, ведь платок в народной традиции считается символом расставания: *«Платочки все девочки дарили вечером. У кого вышивка, кто как сделает»*.

Выполнение некоторых обрядовых действий непосредственно перед выходом из родного дома являлось, по мнению информаторов, необходимым условием благополучного возвращения домой. Например, призывник обязательно перед дорогой должен был заглянуть в чело печи и посидеть «на дорожку»: *«Солдата заставляют в печку заглядывать, чтобы вернулся. На дорожку посидеть надо, когда пойдут»*. Выходя из дома, призывник обязательно возвращался домой и только потом вновь выходил: *«Вернуть обратно надо, чтобы он сам домой пришел»*. Кроме того, перед уходом из дома считалось необходимым взглянуть на себя в зеркало. Как правило, после выхода рекрута из дома запрещалось сразу убирать со стола, это считалось плохой приметой: «как уехал, и стол не убрали».

Непременным обрядовым действием проводов в солдаты было получение родительского благословения. Благословляли иконой: *«Берут икону и благословляют. Перекрестится он, поцелует икону. Три раза вокруг солнца и потом крест над головой»*. *«Я сама отправляла четверых. Всех иконой благословляла»*. При благословлении могли читать молитвы или наговаривать: *«Как благословляли: "Спаси, Господи, спаси, Господи, Спаси, Господи" - вот и всё. В доме. Три поклона положишь и все. Так и благословляют, говорят: "Господи, спаси и сохрани, домой вернуться..."»*.

Уходя на службу, кроме необходимых в дороге продуктов питания, солдат брал с собой некоторые предметы, которые могут понадобиться в дороге, например, нитку, иголку. Кроме того, призывник имел с собой несколько сакральных предметов, которые должны были оберегать его вдали от дома. С собой обязательно давали молитву, иконку, которая обычно вшивалась в одежду: *«А иконку она обязательно им куда-нибудь вшивала»*. *«Даже вот уже в наше время служили, я тоже мужу отдавала "Сон Пресвятой Богородицы". Брат у меня служил на флоте 5 лет и тоже "Сон Пресвятой Богородицы" всё время при нем был»*. Также новобранец имел при себе нательный крест. *«Крест на нем чтобы был. Мало ли чё в дороге случится, обязательно это»*.

Последние провода новобранцев проходили в день отъезда на окраине деревни: *«На другой день идут на этот взвоз все, ребята с гармоникой, девочки поют песни, уже отправляли их на лошаде»*.

Среди наиболее часто исполняемых на проводах песен можно отметить широко распространенную в Прикамье рекрутскую «Последний нынешний денёчек», а также частушки, посвященные уходу в армию и расставанию:

Последний нынешний денёчек...

Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано чуть светочек заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры, заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая, с которой шел я под венец.
Коляска к дому подъезжает, колеса о землю стучат.
С коляски старший отвечает: «Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.

Частушки

Во солдатушки ребятушкам идти не хочется.
Во солдатушкам ребятушкам домой захочется.

Во солдатушках живется - не у мамоньки родной.
Кашу ячневую варят, про девок думать не велят.

Во солдатушки уеду и домой я не приеду.
Больше разу не увидите походочку мою.

Мы пойдем, разобьем каменные здания.
Повоюем да приедем, скажем: «До свидания!».

Пойдем, разобьем до одной пылиночки.
Повоюем да приедем, молитесь Богу, милочки.

В Курашине-то играют, курашимские поют.
Курашимские девчонки наветочки дают.

Я на палевом платочке все цветочки выполняю.
Приговаривать не буду, всё на песнях выпую.

Последний раз на вечерке у вас.
Замечайте, девчонки, походочки у нас.

Во солдатики забрели, милочка останется.
Напиши, товарищ, мне, кому она достанется.

Ой, ягодину в армию да я не провожала.
У подружки в комнате без памяти лежала.
Мне, девчонке молодой, да отливали грудь водой.

Милый в армию поедет, сделай вечериночку.
Буду петь, буду плясать, не выроню слезиночку.

Милый в армию поехал, я сказала: «Точка!..
Я ни с кем гулять не буду эти три годочка».

Сведения об авторах:

Алтынцева Галина Васильевна,
педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра
дополнительного образования для детей Пермского района.

Анкундинова Валентина Борисовна,
педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра
дополнительного образования для детей Пермского района.

Вайман Дмитрий Игоревич,
аспирант Института истории и археологии УрО РАН.

Голева Татьяна Геннадьевна,
канд. истор. наук, старший научный сотрудник лаборатории
этнопедагогики Пермского краевого института повышения
квалификации работников образования.

Попова Дарья Сергеевна,
ученица 10 класса Лобановской средней школы.

Черных Александр Васильевич,
канд. истор. наук, старший научный сотрудник Пермского филиала
Института истории и археологии УрО РАН, зав. лабораторией
этнопедагогики Пермского краевого института повышения
квалификации работников образования.

Феоктистова Ольга Владимировна,
заместитель директора по научно-методической работе Детско-
юношеского центра дополнительного образования для детей
Пермского района.

Коробка Елена Анатольевна,
педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра
дополнительного образования для детей Пермского района.